

Научный
журнал

Социология и право

№ 1 • 2010

**Научный
журнал**

Социология и право

№ 1 • 2010

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

*доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
В. А. ГНЕВКО*

Заместитель главного редактора

*доктор экономических наук, профессор
Б. Б. КОВАЛЕНКО*

Редакционный отдел

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
П. П. ГЛУЩЕНКО
доктор социологических наук, профессор
Я. А. МАРГУЛЯН*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

заместитель Генерального секретаря

*Германской службы академических обменов (DAAD),
Уполномоченный руководитель проекта
«Германский дом науки и инновации» при посольстве ФРГ в России,
доктор юридических наук, профессор
В. БЕРГМАНН*

*директор Социологического института РАН,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
И. И. ЕЛИСЕЕВА*

*вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ,
доктор юридических наук, профессор
В. Б. ИСАКОВ*

*президент Ассоциации юридических вузов России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
М. Н. МАРЧЕНКО*

*директор Института социально-экономических проблем
населения РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Ю. ШЕВЯКОВ*

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>С. Н. Баранец.</i> Имплементация рациональности в российские институты власти: к основаниям «науки приручать»	4
<i>Н. Г. Пряхин.</i> Проблема ненасилия в структуре современного социального развития	10
<i>Е. Н. Амельченко, А. А. Куприн.</i> Социологические аспекты формирования профессиональной направленности учащихся как фактора успешного профессионального самоопределения	16
<i>В. А. Драбенко.</i> Интегрированная система образования личности в современной концепции развития кадровых ресурсов	21

Право в жизни государства и личности

<i>В. Д. Зорькин, В. С. Романов, П. П. Глуценко.</i> Концептуальные подходы к определению механизма правового регулирования общественных отношений в условиях чрезвычайных правовых режимов в современной России.	28
<i>Н. Ф. Звенигородская.</i> Ювенальная юстиция, ювенальная политика, защита прав и свобод детей	39

CONTENTS

Social problems of a society

<i>S. N. Baranets.</i> Implementation of rationality at the Russian power institutes: on the fundamentals of «the art of taming»	4
<i>N. G. Pryahkin.</i> Problem of non-violence in the structure of modern social development	10
<i>E. N. Amelchenko, A. A. Kuprin.</i> Features of formation of a professional orientation of pupils as factor of successful professional self-determination	16
<i>V. A. Drabenko.</i> Integrated system of the personality education in the modern concept of the human resources development	21

The law in a state and person life

<i>V. D. Zorkin, V. S. Romanov, P. P. Gluschenko.</i> Conceptual approaches to determination of the mechanism to regulate of public relations under the conditions of extraordinary legal regimes in modern Russia.	28
<i>N. F. Zvenigorodskaya.</i> Juvenile justice, juvenile policy, defense of juveniles' rights and freedoms	39

С. Н. Баранец

Имплементация рациональности в российские институты власти: к основаниям «науки приручать»

S. N. Baranets. Implementation of rationality at the Russian power institutes: on the fundamentals of «the art of taming»

В статье рассматривается проблемное поле, отображающее процессы мировоззренческой и интеллектуальной достаточности властных и управленческих институтов, призванных обеспечить России инновационный прорыв в целях модернизации гуманитарно-ориентированного типа. Автор показывает, каким образом уточнение мировоззренческих оснований и социально-философских оснований практики управления на основе научных знаний может способствовать имплементации рациональности нового типа в российские институты управления.

Ключевые слова: власть, управление, социальные технологии, мировоззрение, интеллектуальное обеспечение

Контактные данные: 191311, Санкт-Петербург, Суворовский пр., д. 67; e-mail: brnts@rambler.ru

The paper focuses on the problem area, which represents processes of world vision and intellectual sufficiency of power and control institutes intended to ensure for Russia an innovative breakthrough for modernization of a liberal type. The author shows how refinement of world vision, social and philosophical grounds for management practice on the basis of scientific knowledge can facilitate implementation of a new type rationality into Russian management institutes.

Key words: power, management, social technologies, world vision, intellectual provision

Contact information: 191311, Saint-Petersburg, Syvorovsky pr., 67; e-mail: brnts@rambler.ru

Юрген Хабермас в одном из своих недавних интервью высказал мысль, что задача современности состоит в том, чтобы приручить капитализм, имея в виду высший из антагонистических тип общественных отношений, сумевший сохранить себя в течение длительной исторической эпохи вопреки попыткам его деконструкции. Трудно спорить с живым классиком, однако нельзя не признать, что посыл, двигавший и движущий всяким социальным мыслителем, заключается в том, чтобы посредством осмысления реальности открыть законы, в соответствии с которыми эта реальность, будучи преобразуемой, не поглотила преобразователя и не погрузила его труды в пучину забвения и вечной скорби. Будучи социальным

Сергей Николаевич Баранец — консультант комитета Администрации Ленинградской области по взаимодействию с органами местного самоуправления, кандидат философских наук.

© С. Н. Баранец, 2010.

оптимистом, Хабермас сформулировал, на наш взгляд, предпосылку следующего шага в обращении с реальностью отчужденной социальности так, как если бы она была простой эманацией природных стихий, облагоустроенной духовным человеческим началом, с какого-то момента повелевающим природе в себе и вокруг себя стать такой, как нам хочется, т. е. «ручной», управляемой и понятной. В этом сказывается проявление романтизма созидательного порыва, неумемного в каждом человеческом существе, коль скоро жизненные обстоятельства разрешают ему это созидание как таковое (и, значит, ту разновидность созидательства и креативистики, которые могут быть обращены хотя бы в какой-то своей части во благо другим). Но в этом открывается и присущая всякому дискурсу о реальности бытия ограниченность, способная порой схлопывать этот дискурс до сингулярности самолюбования, при котором факт высказывания уже становится или, по крайней мере, признается по умолчанию актом бытования в бытии.

Думается, что на самом деле все обстоит несколько иначе. Практика культурного обустройства людьми собственной истории многогранна и многолика, но отнюдь не настолько, чтобы позволять себе разрушать человеческое в человеке безо всяких последствий для судьбы цивилизации. Любой, приходящий в мир как потенциальный субъект социального действия, обладает атрибутивными качествами, делающими бытие в мире возможным, но далеко не каждому дано избежать впадения в ступор, однажды задавшись судьбоносным вопросом «зачем» по отношению к миру в целом. Требуется просвещенное мужество быть, а не только надежда, вера и любовь, одолженные у социума для успокоения одного, утраченного или утраченного. Особоиенность бытия также всегда под вопросом у того, кто решился нарушить заповеди и традиции регулярного и потому беспрепятственного общения с миром природы и миром прагматически устроенных эгоистов. Непросто продолжать верить в разумность того мира, который домостроительно изложил себе и для себя Homo sapiens sapiens: вразумленный в пределах только разума, он всегда в зоне риска для осмысленного бытия, ибо, как выясняется довольно скоро, смысл если и есть, «то его сразу нет».

Наступившая эпоха атрибутивной концепции смысла еще не проявила своих собственных основ, но признаки возрастания степени разумности у человечества вместе с тем налицо. Изрядная доля оптимизма, заложенная в основания человеческой физиологии, чудесным образом воспроизводится в новых поколениях, которые, имея в виду опыт предков, обустривают собственную реальность, выплетая собственные сети общения и деятельности. Однако в этом естественноисторическом процессе смены поколений трудно обойтись без учета той составляющей, которая связана с воспроизводством условий существования человека и, значит, всеобщих (общих для всех и касающихся так или иначе любого и каждого) процессов производства средств к жизни. Консьюмеризма, свидетелями которой мы явились во второй половине прошлого века, отражает всего лишь желание совместить процесс эксплуатации и извлечения прибыли, в том числе с использованием живого человеческого труда, с культивацией неутилитарной атрибутики человеческой экзистенции, которая становится сносной только в случае эстетизации и этикатирования указанного процесса. Одним из эффективных способов осуществления такой гуманистической программы, независимо от того, какие проекты порождены этой установкой в реальном социальном бытии, является этикатизация пространства и времени социальной жизни. Четыре «i» современной формы цивилизованного существования, удачно озвученные руководством России в известных программных публикациях прошлого года, могут быть встроены в социальную жизнь главным образом посредством скоординированных и организационно выстроенных мероприятий, в осуществлении которых неопределимая роль принадлежит такому надежному инструментальному институту, как государственная власть.

Ничем более эффективным для того, чтобы дать людям возможность сосуществовать ради созидательного преодоления собственного эгоизма и пестования ростков творческого альтруизма, человечество, к сожалению или к счастью, не располагает. И хотя во многих своих проявлениях и для большинства человеческих существ государство остается и останется левиафаном или, говоря по-русски, чудищем, которое «обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»¹, его предназначение исполнится только тогда, когда станет реальностью самоуправление народа посредством самого народа.

Отчужденное отношение между государством и его подданными, появившееся в результате эволюции родоплеменных отношений, восприятие государства как враждебного людям «дьявольского» изобретения существовало на всем протяжении истории институтов власти и для многих уже стало естественным и небезобразным. Оно воспроизводится и в современной российской действительности. Этому есть причины: общество, начинавшееся в советской России как научный социальный проект, как практика рационализации или, точнее, вразумления социальных институтов и социальных субъектов через планомерное переустройство социальных объектов разной природы, завершилось как хэппенинг, в котором участники оказались настолько зачарованы сменой ролей и поиском предназначений, что пропустили момент, когда надо было остановиться. Научные основы управления обществом, которые были предложены в рамках нового мировоззрения «все возможно, что не запрещено природой и моральным законом», столкнулись с практикой самосозидания в надежде на мудрость истории и без воспоминаний об ироническом характере последней. Устройство мира, который оказалось должным принять к усовершенствованию на благо большинства, было доступно, как всегда, лишь меритократически, но не элитарно (по-вождистски) осознавшему себя и по потребности времени самосотворенному меньшинству. Именно оно, выступив застрельщиком и провокатором социального творчества народных масс, оказалось в конечном счете в числе святых мучеников нового жизнеустроения. Двадцатый век, если ему суждено остаться в памяти потомков, будет отмечен смелым балансированием на краю человеческих возможностей во всем, что касается и созидательной, и разрушительной, и рефлексивной составляющих человеческой природы. Этой природе удалось, как всегда, взять верх над культурой, несмотря на то что совокупность культурных и цивилизационных достижений в XX в. существенно превосходит все выработанное человечеством за долгие столетия своей истории. Особенно это касается создания предпосылок для восприятия человечеством самого себя как единого субъекта, способного посредством самопреодоления выстроить с собой и для себя такой мировой порядок, который окажется не просто скроен на вырост развивающемуся социальному организму, но будет обладать способностью меняться по законам социальной органики и взаимосвязи, подобно тому как меняются обстоятельства бытия социального субъекта и вместе с ним, способным повлиять на них конструкционным и конструктивным образом.

К такому состоянию человеческой цивилизации возможно двигаться, но, скорее всего, до него невозможно дойти. И, тем не менее, достигнутые рубежи позволяют сделать определенные обобщения относительно сотворения истории в аспекте сознательного управления общественными процессами, особенно (по понятным причинам) при исполнении властных полномочий и прерогатив.

Предельной задачей социального управления является упорядочивание деятельно-прагматической составляющей человеческого общества с тем, чтобы свести

¹ «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй» — строка из поэмы В. Третьяковского «Тилемахида» (1766), взятая эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

к минимуму зазор между полагаемыми целями и полученными результатами. Предпосылкой самой возможности социального управления как совокупности способов и механизмов воздействия на состояние человеческих дел является мировоззренческая установка относительно восприимчивости общества в целом и составляющих его частей к такого рода воздействию. Иными словами, явно или неявно предполагается такое устройство общества, при котором субъект управленческого воздействия может рассчитывать на успех своей миссии в случае выбора средств влияния и способов применения этих средств, адекватных природе общественных процессов и одновременно — поставленной управленческой задаче. Если учесть при этом, что сам субъект инкорпорирован в общественную среду, является ее неотъемлемой частью и сам детерминирован в своей деятельности наличными социальными обстоятельствами, то становится ясным, что любое управленческое воздействие на социальные процессы обречено быть неполным, частичным, «ущербным» и в этом смысле быть субъектом социального управления, то есть иметь право на ошибку. Последняя всегда виртуально присутствует в управленческом решении, акте или совокупности таковых, отражая объективно достигнутый уровень знания о социальной реальности, интенсивность «социальной воли» и конструктивность мотива (интенции) социального действия.

При всем разнообразии теорий социального управления, разработанных в XX в., их объединяет акцентуализация организационно-технологического аспекта: задачей теоретического исследования проблем социального управления выступает поиск таких способов взаимодействия между людьми и их общностями, которые повышали бы степень упорядоченности общественных процессов функционирования и развития на базе устойчивого воспроизводства (прежде всего в отношениях между людьми с помощью учреждаемых ими институтов) базисных качеств социальности. Обобщенное определение социума как рефлексивной полисистемы с обратной связью, подчеркивая роль духовного компонента, также ставит в центр внимания именно способ организации социума: многослойная (многомерная) система предполагает наличие структурно организованных (соподчиненных), но при этом разделенных элементов, а обратная связь обозначает возможность оценки актов взаимодействий между ними и порожденных этими взаимодействиями изменений с точки зрения устойчивости системы как целого. Согласно определению, данному в словаре-справочнике по социальному управлению 1994 г., теория социального управления есть «наука о закономерностях функционирования и развития деятельности людей по организации жизни общественной системы, ее отдельных составляющих» (выделено нами. — С. Б.). Там же социальное управление определяется в широком смысле как *органически* присущее общественной системе явление, обеспечивающее сохранение ее целостности, качественной специфики, воспроизводство и развитие, а в узком — как «осознанное, систематическое, *специально организованное* воздействие на общество по упорядочиванию и совершенствованию его социально-деятельной структуры в процессе выработки и достижения цели» (выделено нами. — С. Б.) [1, с. 169–170]. Из этого должно следовать, что общество невозможно без управления, а управление — без специальной организации воздействия на те или иные процессы или же их участников.

Сложность, однако, заключается в том, что господствовавшая с XVIII в. рационалистическая установка в отношении общественных процессов, порождающая саму идею влияния на эти процессы со стороны человека, в XIX и особенно в XX в. подверглась радикальному переосмыслению. Образ общества как механической системы (естественной «машины») сменился образом «социального организма» со встроенным интеллектом, который теперь, в том числе и под воздействием разработанной Ю. Хабермасом теории коммуникативного действия, постепенно

вытесняется модным видением общества как чего-то похожего на глобальную компьютерную сеть (многим романтикам «социальные сети», создаваемые на потребу бытовым устремлениям предпринимателей производительного типа, и в самом деле видятся прообразом будущей общественной организации). Ясно, что сами эти образы вторичны и являются отражением (а может быть, визуализацией) более абстрактных концепций общественного устройства и общественных процессов, которые схожи в подчеркивании роли разумного организующего начала как *differentia specifica* («видовое отличие») социальности. Можно было бы назвать эти образы наглядными моделями общественных структур и процессов, но только при учете одного важного обстоятельства: это модели, построенные на основе «аналогий с редукцией», когда непознанное до конца явление уподобляется другому, познавательный образ которого кажется более доступным.

Вообще наглядный образ в структуре познания играет роль двойственную, если не сказать противоречивую. В структуре познания он тесно сопряжен с моделями и используется тогда, когда модельное описание явления или процесса еще невозможно (не определены базовые параметры построения) или уже не нужно (модель перестает быть способом удержания описываемого с ее помощью объекта «в уме» исследователя). Управленческая деятельность имеет ярко выраженный познавательный компонент, и поэтому необходимость использования моделей в управленческой деятельности сомнения вроде бы не вызывает. Однако здесь есть свои нюансы.

Для практика социального управления проблема моделирования социально-экономических явлений и процессов реально встает при обнаружении значимого (а точнее, угрожающего) расхождения между принятым управленческим решением и результатом приложенных для его реализации организационных усилий. Модель востребуется как инструмент, призванный минимизировать, во-первых, риск неверного решения, во-вторых, затраты организационного, финансового, человеческого и иных ресурсов, в-третьих, ответственность социального института или лица, принимающего решения, за последствия своих действий по изменению сложившихся и подвергающихся воздействию социальных обстоятельств. «Думать вовремя» (*thinking in time*), то есть принимать решения по ситуации, делая выбор на основе «мгновенного» интуитивного расчета — это, видимо, разновидность некоего врожденного искусства, основанного на проективном и творческом (креативном) потенциале властных (управляющих) субъектов и степени владения ими социальной ситуацией. Какова бы ни была, однако, природа этого расчета, возрастание качественной и количественной сложности социальных взаимодействий в рамках современного этапа развития человеческой цивилизации настоятельно востребуется дополнения теории и технологии социальной управленческой деятельности, с одной стороны, обновленной научной модельной методологией, а с другой — мировоззренческой рефлексией относительно смысла (значения и предназначения) управленческого воздействия на те или иные фрагменты социальной реальности. Глобализация общественных процессов, в свою очередь, приводит к устроению человеческих дел таким образом, что, в предельном случае, разовое управленческое решение, даже в маргинальной области социума, может иметь общепланетарные последствия.

Идеал социального технолога (и социального администратора) — алгоритмизация социально-технологических процессов, доведение их до автоматизма. Это требует создания таких бюрократических механизмов, которые, будучи селекционированы и адаптированы к условиям данной системы общественных отношений (к примеру, внутри одного государства), задавали бы уровень регламентации общественных порядков, при котором мера социальной ответственности управленческих институтов была бы минимальной, а степень влияния, напротив, максимальной. Вместе с тем стоит отметить, что этот идеал также порожден несовременной

(классической) концепцией общества и его истории, которая восходит к XVIII в. и является по существу реформаторско-просветительской. Ее мировоззренческим основанием служила уверенность в разумном, законосообразном устройстве природного и человеческого миров, что в свою очередь давало возможность «вымыслить» и воплотить в том или ином виде адекватный общественный инструментарий для должного переустройства человеческих дел в соответствии с требованиями разума, добра и справедливости.

Социальный технологизм есть одна из ипостасей классического рационализма, абсолютизирующего разумную (сознательную) составляющую в общественных явлениях и процессах. Своей высшей степени социальный технологизм как априорная убежденность в принципиальной алгоритмизируемости природных (следовательно, социальных) процессов и явлений достигает, как представляется, в бытующем предрассудке о «всесилии моделей». Нынче в России модно быть модельером или, на худой конец, моделистом-конструктором в управлении социальной реальностью, хотя какое-то время назад все (или почти все) были исполнителями планов и директив. Если исходить из того, что вся совокупность социальных действий может быть условно разделена на две группы (реагирование на обстоятельства и достижение целей), то в настоящее время в российском общественном сознании, как кажется, имеет место попытка изменить плановый (телеологический) стиль мышления на адаптационно-ситуативный (приспособительный). Ожидаемое состояние общественной системы (общественные цели и идеалы) перестало определять собой выбор средств и влиять на оценку результатов, поскольку задачу ранжирования тех или иных искомым результатов, сопоставления их с тем, что получилось в действительности (функция, которую раньше так или иначе выполняла правящая коммунистическая партия), никто как самоценную и специальную не ставит и не решает. Иными словами, меняется внутренняя соподчиненность (структура) элементов управленческого процесса, причем таким образом, что моделирование, которое должно органично дополнять технологию социального действия, постепенно вытесняется за его пределы и становится заботой профессиональных сообществ, а не общественных слоев, классов и групп. Тем самым, помимо всего прочего, снижается творческий потенциал общества, поскольку утрачивается синергический эффект «объединения одной целью».

Не оценивая сейчас в деталях социальную значимость происходящего, отметим, что одним из последствий такого перехода является смещение акцентов с одного типа социального моделирования на другой, более свойственный социальному стратегированию, нежели социальному планированию и проектированию. В свое время И. Ансофф [2] обратил внимание на формирование в предпринимательской среде «новой управленческой парадигмы», в которой предприятие уже рассматривается не как закрытая система и предпосылки его успеха отыскиваются не внутри, а вовне, в социальной среде. Само существование и развитие связывается с умением определить ближние и дальние угрозы, равно как и возможности благоприятного развития событий. Он подчеркивал, что рационалистическая парадигма годится для стабильных условий, тогда как нестабильные (меняющиеся) требуют принципиально иного подхода. То, что И. Ансофф называет стратегическим управлением, по нашему мнению, можно обозначить и иначе — управление изменениями. Но в этом случае то, что выглядит как «тихая управленческая революция» в одной из сфер общественной жизни, на самом деле может отображать глобальную подвижку и поворот в глубинных мировоззренческих основаниях социального познания.

При всей видимой наивности истолкования перипетий разума в управлении чем бы то ни было на примере того, как человеческий мозг управляется с собственным телом и его членами, нельзя исключить, что подобный поворот окажется

для российской социальной ментальности благоприятным. Однако то, что он пока для нее неорганичен, на наш взгляд, несомненно. Мировоззренческие привычки и стереотипы меняются, как известно, гораздо медленнее, чем политические пристрастия или предпочтения. И все же политика не будет иметь успеха без ориентации на господствующие и маргинальные мировоззренческие концепции, в том числе и в таком их измерении, которое касается своеобразного «моделирования для модернизации» жизнедеятельности социально-исторического субъекта.

Литература

1. *Социальное управление: словарь-справочник* / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М., 1994.
2. *Ансофф И.* Стратегическое управление. М., 1989.

УДК 316.42:178

Н. Г. Пряхин

Проблема ненасилия в структуре современного социального развития

N. G. Pryahkin. Problem of non-violence in the structure of modern social development

Феномен ненасилия является стержнем гармонизации современного социального дискурса, для которого характерно насилие и эгоизм. Поэтому ненасилие может дополнять различные сферы жизни общества, определять структурную стратегию развития, выяснять и сохранять уникальные индивидуальные особенности личности и культуры. Выяснение природы ненасилия, особенности его применения означает экзистенциальную, волевою попытку нравственного развития.

Ключевые слова: ненасилие, диалог, справедливость, конфликт, толерантность

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; nikpryahin@mail.ru

The non-violence phenomenon is the axis for harmonization of modern social discourse characterized by violence and egoism. So, violence could add various spheres of the society life, determine the structural strategy of development, find and preserve unique individual peculiarities of the personality and culture. Clarification of the non-violence nature, peculiarities of its application means an existential volitional attempt for moral development.

Key words: non-violence, dialogue, justice, conflict, tolerance

Contact information: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky pr., 44; nikpryahin@mail.ru

Развернувшийся в настоящее время процесс глобализации является отражением социальных и образовательных идеалов, формируемых общественным сознанием, а также идеологическими и философскими доктринами.

Традиция ненасилия задает возможность диалога, а социокультурный диалог в свою очередь противостоит тем программам и проектам, которые ориентированы на создание деструктивной ситуации в современном обществе. Таким образом,

Николай Геннадьевич Пряхин — доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кандидат философских наук, доцент.
© Н. Г. Пряхин, 2010.

ненасилие и диалог оказываются генетически родственными феноменами. Они укоренены в деятельности и «оформлены» в символическом универсуме *мировой культуры*. «Для Ганди, — пишет А. В. Горев, — не только индийцы, но и все мировое сообщество народов едино. Он не питает ненависти к внешним и внутренним врагам, а лишь не приемлет то политическое и социальное зло, носителями которого они являются» [1, с. 242].

В ситуации современности ненасилие и диалог задают возможность социально ориентированной толерантности, учитывающей не только культурные традиции и ценностные сферы национальных культур, но и создающих условия для личностного развития человека. Этот фактор интереса к ценности ненасилия тем более важен, что в «ситуации постмодерна» условия для экзистенциально-личностного осуществления чрезвычайно сложны, хотя и возможны¹.

Важно при социально-философском рассмотрении ненасилия различать *конфликт* и *насилие*. Конфликт представляет собой предельный уровень противоречия, без которого и вне которого история общества не существует. Насилие же — один из возможных способов радикального разрешения конфликта; оно старается подавить конфликт, так как направлено на физическое истребление противника. «Насилие есть средство, конфликт — состояние» [2, с. 88]. В конфликтной ситуации возможны пять вариантов реакции индивида: нейтралитет, столкновение, бегство, капитуляция и ненасилие. Ненасилие предстает как одна из возможных реакций на конфликтную ситуацию. Отказ от насилия не означает принятия ненасильственных принципов, он может свидетельствовать о трусости или компромиссе. Также и отсутствие насилия еще не есть ненасилие.

Ненасилие тоже своего рода демонстрация силы — сам факт ненасилия не может стать решением каждой конфликтной ситуации, которая всегда конкретна. Основной принцип ненасильственной борьбы состоит в признании личности противника. Отсюда ясно, что приверженцы ненасилия отрицают убийство как таковое. Но и в ненасильственном конфликте есть противники, несмотря на взаимное уважение.

Таким образом, ненасильственное действие основывается на фундаментальном различии между *социальной функцией* противника (политической, военной, экономической) и его *личной позицией* в своей социальной группе. Цель ненасилия — разграничить личность и функцию, противопоставить функциональное и экзистенциальное, насколько это возможно. Воспринимая противника как *личность*, активист ненасилия — индивид блокирует механизмы насилия.

Для подавления механизмов возникновения ненависти ненасильственная практика прибегает к юмору: «Убивают не оружием — убивают смехом» (Ф. Ницше). Можно сказать, что ненасилие побеждает, сохраняя, имеет двойственный характер: с одной стороны, призывает к уважению личности противника, с другой — к борьбе против него, предполагает «твердый дух и нежное сердце» (М. Л. Кинг).

С точки зрения социальной философии можно говорить о том, что ненасилие предполагает объективную рефлексию ситуации, с одной стороны, и настойчивое стремление к своим правам и ценностям — с другой. Отсюда вытекает экзис-

¹ Ср.: «Смысл этих (Евангельских. — Н. П.) строк никак не в призыве к пассивности, а в доведении зла до абсурда. Они говорят, что зло можно унизить путем сведения на нет его притязаний вашей уступчивостью, которая обесценивает причиняемый ущерб. Такой образ действий ставит жертву в активнейшую позицию — позицию духовного наступления. Победа, если она достигнута, не только моральная, но и вполне реальная. Другая щека вызывает не к совести обидчика, с которой он легко справится, но ставит его перед бессмысленностью всей затеи — к чему ведет всякое перепроизводство» (Бродский И. Из книги прозаических эссе. Меньше единицы. Нью-Йорк, 1985. С. 5–6).

тенциальная характеристика субъекта ненасилия — «перманентная твердость» (Ж. Семлен). Можно сказать, что философия ненасилия предельно психологична в том плане, что непосредственно задействованы механизмы психической адаптации к ситуации. Ненасилие подавляет насилие и способствует развитию боевитости у индивидуума путем его освобождения от психических импульсов, превращающих боевитость в разрушительную силу. Ненасильственная боевитость выражает чистую силу индивида без примеси насилия. В этом действии проявляется особая *терапевтическая функция* ненасилия для его сторонников, которые самоутверждаются как личности. Ненасильственная активность в социуме настойчива, действительна, способна уничтожить стереотипы, порожденные страхом и ненавистью. В результате ненасилия формируется социально-антропологическая установка «сборки» субъективности в ситуации «смерти субъекта».

В вопросе о природе и современном состоянии ненасилия социальная философия осуществляет критическую работу определения константных оснований существования. Ненасилие выступает против предельного общественного динамизма, предполагающего почти безоговорочную включенность личности в процессы социализации. Ненасилие создает особую позицию внаходимости (М. М. Бахтин) — превращенными, но весьма показательными для состояния общества факторами могут выступать *социальный аутизм* и различные формы «ухода» от мира. Это требует для своего понимания совмещения позиций социальной философии, этики и социально ориентированной медицины.

Социально-философское исследование перспектив ненасилия должно опираться на ясное представление о типах и формах насилия не только в его политических, военных, психоаналитических конфигурациях, но и в фигурах повседневности. Так, к примеру, для соответствующих разделов социальной философии, обращенных к повседневности, важно исследование *домашнего насилия*.

Проблема семейного насилия непосредственно связана с фундаментальным вопросом о современном *образе мира*. Поэтому, несмотря на фрагментарность и раздробленность, необходим обобщающий взгляд на современность не только в ее глобалистской или антиглобалистской проекции, но и в плане классических представлений о *мире* («современность с человеческим лицом»). Тут востребован опыт совмещения *философии* ненасилия с конкретностью *поступка* как выражения и формы существования практической (моральной) философии. Так философия становится непосредственно зримой и действенной¹.

Дело в том, что очевидность («зрелищность») необычайно широко задействована: «Что же касается современной социальной философии и современных социокультурных реалий, то очевидность и зримость социального факта ценится очень высоко в процессах познания: очевидное вытесняет классическое повествование. И, с одной стороны, это продуктивно, поскольку дает приближение к реалиям — так в известном смысле восстанавливается важная для ведического знания тема „*видения видения*“» [3, с. 121; 8]. Вместе с тем это разрушает единое пространство смысла, в котором организуется понимание и в той либо иной степени практически реализовано действие ненасилия.

Но в любом случае именно зримость ценностей ненасилия делает их чрезвычайно важным фактором символической организации жизни общества. «Подобно мудрецам Древней Индии, — пишет о Л. Н. Толстом Д. Бурба, — русский мыслитель утверждал, что несовершенные люди не могут создавать совершенное общество. Необхо-

¹ Темы насилия и ненасилия активно обсуждаются не только в сфере традиционной психологии, но и в «неклассической» зоне антипсихиатрии. См.: Власова О. А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М., 2006.

дима внутренняя самоактуализация (на санскрите это называется *йога*). Однако в микрокосме души человека как в зеркале отражается вся вселенная, а несомненная широта личности Толстого и беспрецедентный факт добровольного представления им на всеобщее обозрение своего внутреннего мира позволяют увидеть очень многое» [4, с. 6]. И более того, *визуализация* ненасилия в поступке в известном смысле противостоит современному «обществу спектакля» (Ги Дебор)¹. Поступки ненасилия возможно перебивают действие «общества спектакля». В данном контексте актуализирован экзистенциально-личностный смысл существования. В этой ситуации только ориентированная на диалог философия ненасилия может устранить разрыв между традиционными ценностями и гуманистической стратегией их усвоения в современной жизни. Здесь могут быть созданы жизнеспособные образы настоящего и будущего, в которых сохраняется актуальность ненасилия.

Оторванность от идей традиционного ненасилия оборачивается не только потерей чувства гармонии, но и утратой представлений о гармоничном способе существования. Исторически отдаленные времена оказываются «размещены» в общем пространстве культурного диалога ненасилия от истоков культуры до современности. «Мыслями о том, как жить без насилия, — пишет Т. А. Павлова, — пронизана вся публицистика А. Солженицына. <...> Отрицание насилия — военного, революционного, насилия как идеологии тоталитарного государства — получает полное и аргументированное обоснование, которое занимает значительное место в публицистике писателя» [5, с. 214]. Констатация кризисности побуждает к усиленному анализу его причин и действий.

Пропадают не только вечные ценности, но и ценности содружества и взаимоподдержки: компонента насилия становится тем общим признаком, который характеризует жизнь сообществ. Более того, в социально-философской сфере насилие тематизировано как общий понятийный признак теоретических систем. Формируется весьма неутешительный для современности вывод о том, что насилие выступает общим моментом в разговоре современности.

Сферой схождения различных по генезису и содержанию позиций в отношении к ненасилию является проблемная область *антропологии ненасилия*. Это индивидуально-личностное и экзистенциальное переживание насилия и ненасилия сегодня активно обсуждается в литературе. Именно в *антропологии* ненасилия активно трансформируются традиционные ценности идеи. Так, Джидду Кришнамурти представляет последовательную «неклассическую» философию ненасилия, переосмысливая традиционные установки и принципы жизни. Упор делается, можно сказать, на этико-когнитивные характеристики ненасилия. Один из главных вопросов здесь: как противостоять насилию?

Кришнамурти делает вывод о том, что необходимо действовать не только при индивидуальном выборе, но и поведении социальных групп. («Вы полагаетесь на время, когда дом уже объят пламенем. Дом горит в результате насилия, царящего во всем мире и в вас самих, а вы говорите: дайте мне подумать об этом. Какая идеология окажется самой действенной, чтобы погасить огонь? Когда ваш дом горит, обсуждаете ли вы цвет волос человека, несущего воду?» Дж. Кришнамурти.) Но в теоретическом плане как раз всего важнее понять возможности умаления насилия и возможности продуктивного роста ценностей ненасилия.

Рост насилия становится сейчас доминирующей тенденцией мирового развития, значительно потеснившей на задний план стремление к утверждению принципов

¹ Ср.: «Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства... Спектакль есть основное производство современного общества» (Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 24, 26).

ненасильственного мира. Это почти единодушное признание конфликтности как важнейшей характеристики мира политики вполне естественно, если учесть, что любое человеческое сообщество сочетает в себе интересы самых разнообразных социальных и политических сил. Политику можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социальных сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени государства.

Однако очевидно, что люди, преследующие разные цели и идеалы, не могли бы жить вместе, если бы расходились друг с другом во всех без исключения вопросах. Как показывает исторический опыт, противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми. Люди объединяются в сообщества в силу общего стремления к совместной жизни.

Поэтому при исследовании вопросов о ненасилии в современном мире имеет смысл выстраивать целый спектр возможных решений и действий. Прежде всего, при решении глобальных вопросов современности нужно обратиться к *политическому диалогу* на основе идей и принципов ненасилия — так воплощается процесс трансформации конфликта в консенсус.

Конфликт и консенсус как средства реализации социального диалога составляют две важнейшие характеристики любых сфер человеческой деятельности, в том числе и политики. Она связана как с разрушением, так и с созиданием, в ней можно обнаружить и добро и зло. В политике есть как согласие и солидарность, так и кровь и насилие.

В этом смысле творческое наследование идей ненасилия дает возможность приблизить идеи ненасилия к жизни, тем более что *традиционно* в философии ненасилия человек и его сущность поняты именно в обществе. Современный индийский философ Свами Ранганатхананда прямо пишет о том, что человек не изолированный индивидуум: «Как члены и составные элементы обществ мы должны регулировать свои отношения, поведение и деятельность, имея в виду благосостояние общества в целом. Когда мы вступаем в область регулирования межличностных и межгрупповых человеческих взаимосвязей, мы входим в сферу политики» [6, с. 251]. Речь идет о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, а с другой стороны, ее подрыву и соответственно изменению как отдельных институтов, так и всей системы в целом.

Поэтому вполне объяснимо, что феномен *политического* колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая — как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества. Но все же определяющую роль играет тот факт, что политическое имеет своим основанием и своей целью *всеобщую взаимосвязь* социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей. Правовое демократическое государство, выступающее в своем идеале как воплощение идей гражданского согласия и выражение всеобщей воли, преследует цель воспрепятствовать тому, чтобы конфликты различных интересов достигали взрывоопасной точки.

Вычлняя в противнике личность и социальную функцию, ненасильственная боевитость выступает в различных формах. В первую очередь это осознание себя как личности путем уничтожения господствующих над индивидом социальных условностей и развития в себе независимости и ответственности. Социальная функция противника подавляется посредством установления неформальных отношений. Ненасильственное действие в первую очередь направлено против структур, поддерживающих социальную несправедливость. Суть насилия сводится к физическому уничтожению человека, ненасилие же борется против противника

в его функции угнетателя. Фундаментальное различие между личностью и его функцией заложено в самом понятии ненасилия. Функция противника заключена в рамки политических институтов, экономических структур, репрессивного аппарата. Ненасилие выступает против структур угнетения, а не против людей, заполняющих эти структуры.

Это различие лежит в основе стратегии гражданского сопротивления, основным тактическим приемом которой является отказ от сотрудничества. Не убивать людей, а нейтрализовать и парализовать структуры — вот главный принцип ненасильственного действия. Эффективность гражданского сопротивления зависит от числа его участников. Сила ненасилия в численности борцов. Ненасилие не обязательно должно стать для индивида идеалом, пусть оно останется стратегической линией в политических выступлениях. Но принцип ненасилия бесспорно связан с определенными ценностями. Нельзя воспринимать его только как тактическое средство, поскольку в этом случае и репрессивный аппарат может использовать ненасилие в своих целях. Ненасилие неотделимо от нравственности, утверждающей гуманистические и религиозные идеалы. Но этика ненасилия исторически не утверждает абсолютное ненасилие, а означает стремление к ценностям справедливости и свободы, борьбы за свои права.

В горизонте будущего существования ненасилие является носителем политической морали, отвергающей применение любых средств для достижения благой цели, к примеру, создания справедливого и равноправного мира. Человеку свойственно игнорировать последствия своих действий в будущем. Отсюда безумные попытки сохранить мир насильственными средствами, завоевать свободу, отбирая ее у других. Средства превалируют над целью, которая определяется чисто формально. Но ненасилие может быть положено в основу международной морали, к которой относятся нормы и принципы, воплощающие достижения нравственной культуры человечества в процессах межнационального общения. Ценности нравственности всегда были одобряемы в любой социальной среде. И хотя сегодняшний мир состоит в большей степени из сообществ, ценности ненасилия распространяются повсеместно: нравственная ситуация создает определенный подготовительный фон для вступления в действия политических, экономических, правовых факторов на международной арене [7, с. 267]. Понятие ненасилия непосредственно связано с политической эффективностью, являясь эффективным показателем ее смысла.

Именно ненасилие пытается «выровнять» политику — ненасилие не может служить любым политическим целям. Ненасилие освобождает человека от авторитарности, от власти централизованного государства, пробуждая в нем чувство ответственности. Ненасилие не ведет к отказу от власти, общество немислимо без власти как инстанции, устанавливающей социальный консенсус. Но ненасилие объединяется с децентрализованной властью, позволяющей гражданам самим управлять обществом. Другими словами, ненасилие вписывается в самоуправляющееся общество.

Литература

1. Горев А. В. Махатма Ганди. М., 1984.
2. Семлен Ж. Выход из насилия: способность человека противостоять насилию // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
3. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
4. Бурба Д. Толстой и Индия. Прикосновение к сокровенному. СПб., 2000.
5. Павлова Т. А. Концепция ненасилия в публицистике А. Солженицына (60-е — начало 80-х годов) // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни. М., 2000.

6. Цит. по: *Литман А. Д.* Современная индийская философия. М., 1985.
7. *Капто А. С.* Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. М., 1990.
8. *Jameson F.* Signatures of the visible. New York, 1990.

УДК 37.014.5:316

Е. Н. Амельченко, А. А. Куприн

Социологические аспекты формирования профессиональной направленности учащихся как фактора успешного профессионального самоопределения

Е. N. Amelchenko, A. A. Kuprin. Features of formation of a professional orientation of pupils as factor of successful professional self-determination

Высокий уровень профессиональной направленности — это та качественная особенность структуры мотивов личности, которая выражает единство интересов и личности в системе профессионального самоопределения и повышение уровня профессиональной направленности, образует основное содержание ее развития. А значит, и выбор профессии можно считать оправданным лишь в том случае, если есть надежда, что активность личности приведет к такому взаимоотношению между личностью и трудом, при котором будет успешно происходить дальнейшее развитие творческих и нравственных сил человека.

Ключевые слова: профессиональная ориентация и адаптация, индивидуально-психологические особенности личности, профессиональное самоопределение

Контактные данные: Е. Н. Амельченко: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44; e-mail: knaygna@yandex.ru | А. А. Куприн: 196128, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; kuprinandrejj@rambler.ru

The high level of a professional orientation is that qualitative feature of structure of motives of the person which expresses unity of interests and persons in system of professional self-determination and increases of a level of a professional orientation forms the basic maintenance of its development. So also a choice of a trade it is possible to consider justified only in the event that there is a hope, that activity of the person will lead to such mutual relation between the person and work at which there will be a further development of creative and moral forces of the person.

Keywords: vocational counseling and adaptation, specific features-psychological of the person, professional self-determination

Contact information: E. N. Amelchenko: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky pr., 44; e-mail: knaygna@yandex.ru | A. A. Kuprin: 196128, Saint-Petersburg, Moscovsky pr., 149; kuprinandrejj@rambler.ru

Елена Николаевна Амельченко — доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кандидат экономических наук.

Андрей Анатольевич Куприн — старший преподаватель кафедры финансово-хозяйственной деятельности Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России.

© Е. Н. Амельченко, А. А. Куприн, 2010.

В условиях экстенсивного развития экономики, наличия свободных рабочих рук и относительно невысоких требований к квалификации работников еще до недавнего времени не ощущалось острой необходимости в единой системе информации и трудоустройства кадров. Результатом подобной практики стал хронический и повсеместный дефицит рабочих кадров при неполной и нерациональной их занятости, а также занижение требований к уровню подготовки. Ведь именно профессиональная ориентация и адаптация должны содействовать быстрым структурным сдвигам в занятости при одновременном удерживании безработицы на возможно низком уровне. Однако практическое решение этой задачи тормозится сложностью и неразвитостью рынка труда, а государственная служба занятости пока не в состоянии эффективно управлять профориентацией и адаптацией. Механическое же заполнение вакантных рабочих мест, унаследованное от службы организованного трудоустройства, удается плохо, так как мало кто согласится на любую предложенную работу. Причина здесь не только в грузе стереотипов, но и в отсутствии знаний о современной профориентационной деятельности и адаптации, их формах и возможностях в условиях рынка.

Социально-психологическая адаптация человека к производственной деятельности — это не только привыкание к новому социальному окружению, к его традициям и неписанным нормам, к стилю работы руководителей, особенностям межличностных отношений, сложившихся в коллективе. Она означает включение работника в коллектив как равноправного, принимаемого всеми его членами. Адаптация может быть связана с немалыми трудностями, к которым относятся обманутые ожидания быстрого успеха, обусловленные недооценкой трудностей, важности живого человеческого общения, практического опыта и переоценкой значения теоретических знаний и инструкций [1]. Профессиональная адаптация заключается в активном освоении профессии, ее тонкостей, специфики, необходимых навыков, приемов, способов принятия решений для начала в стандартных ситуациях. Она начинается с того, что после выяснения опыта, знаний и характера новичка для него определяют наиболее приемлемую форму подготовки, например, направляют на курсы или прикрепляют наставника. Сложность профессиональной адаптации зависит от широты и разнообразия деятельности, интереса к ней, содержания труда, влияния профессиональной среды, индивидуально-психологических свойств личности.

Как показал опыт отечественных организаций, в стране недостаточно внимания уделяется проблеме профориентации и адаптации кадров по месту работы. К сожалению, управленческие работники не до конца понимают значение профориентации и адаптации как методов регулирования предложения рабочей силы в организации. К тому же сейчас управленческое звено народнохозяйственного и отраслевого уровней ослаблено в организационно-методическом отношении, что привело к образованию множества органов управления в регионе (центры профориентации и занятости, кабинеты профориентации в школах, специальных учебных заведениях, в организациях) без достаточной регламентации их полномочий.

Узкая ведомственность противодействует развитию прямых связей органов управления профориентацией и адаптацией. И это не позволяет устранить организационные недостатки в практике профориентации и адаптации, углубляя их на каждом последующем уровне управления. Потребность в поисковой активности, в самоопределении и построении жизненных перспектив является важной социальной потребностью. Так, например, по результатам исследований особенности адаптации учащихся к профильному обучению было выявлено, что успешность здесь тесно взаимосвязана с характером профессиональных намерений: успешнее адаптируются те учащиеся, у которых профиль обучения совпадает с профессио-

нальными намерениями, менее успешно протекает адаптация у тех, кто не имеет намерений в будущем заниматься деятельностью, связанной с профилем обучения [2]. Таким образом, осознанный выбор профиля обучения способствует более благоприятному течению процесса адаптации к профильному обучению, так как смысловое будущее играет важную роль в личностном самоопределении. В свою очередь, позитивно ориентированное саморазвитие наполняет будущее смыслом, структурирует его и по определению делает человека субъектом собственного становления. В тех же случаях, когда саморазвитие по каким-либо причинам не осуществляется или искажается, будущее воспринимается как бессмысленное, неструктурированное и человек становится пассивным объектом воздействия внешних сил. Успешность самоопределения во многом обуславливается присвоением и осмыслением социально выработанных ценностей.

Выбор профессии, или профессиональное самоопределение — основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных жизненных решений. Существуют различные варианты определения понятия «выбор профессии», однако все они так или иначе трактуют профессиональное самоопределение как выбор, осуществляемый в результате анализа внутренних ресурсов субъекта и соотнесения их с требованиями профессии. Содержание определения высвечивает двусторонность явлений выбора профессии: с одной стороны, тот, кто выбирает (субъект выбора), с другой — то, что выбирают (объект выбора). И субъект, и объект обладают огромным выбором характеристик, чем объясняется неоднозначность явления выбора профессии, тем более что это не одномерный акт, а процесс, состоящий из ряда этапов, продолжительность которых зависит от внешних условий и индивидуальных особенностей субъекта выбора профессии.

В литературе нет единого взгляда на то, как формируется выбор профессии, и какие факторы влияют на этот процесс. По этому вопросу существует ряд точек зрения, в защиту каждой из которых приводятся убедительные аргументы. Несомненно, это объясняется сложностью процесса профессионального самоопределения и двусторонностью самой ситуации выбора профессии. Ряд исследователей придерживаются распространенной точки зрения на выбор профессии как на выбор деятельности. В этом случае предметами исследования выступают, с одной стороны, характеристики человека как субъекта деятельности, а с другой — характер, содержание, виды деятельности и ее объект. Профессиональное самоопределение понимается здесь как процесс развития субъекта труда. Следовательно, выбор профессии сделан правильно, если психофизиологические данные личности будут соответствовать требованиям профессии, трудовой деятельности. В контексте понимания выбора профессии как выбора деятельности распространена также точка зрения, что основной детерминантой правильного выбора является профессиональный интерес или профессиональная направленность.

Существует еще один взгляд на подход к выбору профессии как к одному из важнейших событий в целостном жизнеопределении человека. Выбор профессии связан с прошлым опытом личности, и процесс профессионального самоопределения простирается в будущее, участвуя в формировании общего образа, определяя течение жизни. Этот подход требует учета широкого спектра факторов, влияющих на выбор профессии, кроме того, он позволяет сделать акцент на временном аспекте, на прошлом опыте личности и ее представлениях о будущем. Известный отечественный ученый В. Н. Мясищев писал: если процесс самоопределения составляет основное содержание развития личности в годы ранней юности, то формирование профессиональной направленности образует основное содержание самоопределения. Соответственно очевидно, что первое необходимое условие формирования профессиональной направленности состоит в возникновении из-

бирательно-положительного отношения человека к профессии или к отдельной ее стороне. Речь идет о возникновении субъективного отношения, а не о тех объективных связях, которые могут иметь место между человеком и профессией (в том числе ее отражение в искусстве, литературе, содержании учебного программного материала и т. п.). Зарождение субъективного отношения, разумеется, определяется сложившимися объективными отношениями. Однако последние могут не приобрести личностной значимости либо вызвать избирательно-отрицательное отношение к отдельным сторонам деятельности [3].

В понятии «профессиональная направленность» можно выделить отдельные стороны, выражающие ее содержательную и динамическую характеристики. К первой относят полноту и уровень направленности, ко второй — интенсивность, длительность и устойчивость. Полнота и уровень направленности несет содержательно-личностную характеристику профессиональной направленности и в значительной мере содержит ее формально-динамические особенности. Под полнотой профессиональной направленности понимается круг (разнообразие) мотивов предпочтения профессии. Избирательное отношение к профессии чаще всего начинается с возникновения частных мотивов, связанных с отдельными сторонами содержания определенной деятельности, или процессом длительности, или с какими-либо внешними атрибутами профессии.

При определенных условиях значимыми для человека могут стать многие связанные с профессией факторы: ее творческие возможности, перспективы профессионального роста, престиж профессии, ее общественная значимость, материальные, гигиенические и другие условия труда, его соответствие привычкам, особенностям характера и т. п. Это свидетельствует о том, что профессиональная направленность основывается на широком круге потребностей, интересов, идеалов, установок человека. Чем полнее профессиональная направленность, тем более многосторонний смысл имеет для человека выбор данного вида деятельности, тем разностороннее удовлетворение, получаемое от реализации данного намерения.

Таким образом, одна из форм развития профессиональной направленности состоит в обогащении ее мотивов: отдельного мотива до все более распространенной системы мотивов. Профессиональная направленность большой группы людей может включать одни и те же мотивы и все же быть различной. Это обусловлено тем, что система мотивов всегда предполагает их определенную организацию, структуру. Одни и те же мотивы могут быть разным образом организованы, находиться в различных отношениях соподчинения. И, что особенно важно, различными могут быть ведущие мотивы. Обычно мотивы, лежащие в основе профессиональной направленности, неоднородны по происхождению и характеру связи с профессией.

В этом плане правомерно выделение, во-первых, группы мотивов, выражающих потребность в том, что составляет основное содержание профессии. Вторая группа мотивов связана с отражением некоторых особенностей профессии в общественном сознании (мотивы престижа, общественной значимости профессии). Очевидно, что связь индивидуального сознания с профессией приобретает в данном случае более опосредованный характер. Третья группа мотивов выражает ранее сложившиеся потребности личности, актуализированные при взаимодействии с профессией (мотивы самораскрытия и самоутверждения, материальные потребности, особенности характера, привычек и т. п.). Четвертую группу составляют мотивы, выражающие особенности самосознания личности в условиях взаимодействия с профессией. Мотивы, относимые к пятой группе, выражают заинтересованность человека во внешних, объективно несущественных атрибутах профессии.

Данная классификация, построенная по признаку происхождения мотива, может быть продолжена. Существенное различие указанных групп мотивов

состоит в их неодинаковом отношении к объективному содержанию профессиональной деятельности. Мотивы, отнесенные к первой группе, делают близкими и ненужными человеку наиболее существенное в данной деятельности то, в чем состоит ее объективное назначение. Другие группы мотивов не связаны столь тесно с основным содержанием деятельности. Они кристаллизуют потребность не столько в своей деятельности, сколько в различных, связанных с нею обстоятельствах. Руководствуясь в процессе неинтересной для него работы чувством долга, человек не приспосабливается к внешним требованиям, а усваивает их. Чувство долга не является побочным мотивом, так как оно глубоко связано с выполненной деятельностью, главным образом с ее результативной стороной. Если человек побуждается к деятельности побочными мотивами, внутренне не связанными с ее содержанием или результатом, то нельзя сказать, что он трудится ради того дела, которым занят. Он приспосабливается к внешним требованиям, но не усваивает их. Он побуждается к труду на основе потребностей и чувств, которые не обязаны своим развитием данной деятельностью (например, материальная заинтересованность, честолюбие и т. п.).

Для того чтобы в процессе труда стимулировалось развитие человека, раскрытие и расширение его творческих сил, необходимо, чтобы центральными для человека были мотивы, внутренне связанные с содержанием выполняемого труда, а при отсутствии интереса к процессу труда — мотивы долга и общественной необходимости. Так, организуя практическую деятельность студентов в соответствии с имеющимися или формирующимися способностями, необходимо добиваться, чтобы притягательной и побудительной силой становилось основное содержание выполняемой деятельности, то, что составляет ее объективный смысл, а не побочные сопутствующие данной деятельности обстоятельства.

По мнению Н. С. Пряжникова, в мотивации профессионального выбора должна наличествовать основа мотивационных факторов трудовой деятельности, охватывающая все возможные аспекты индивидуальной жизнедеятельности, способные определить содержание мотивации профессионального выбора, как универсальные, так и специфические цели разных форм профессионального труда. Под уровнем же профессиональной направленности понимается степень соответствия ведущего мотива предпочтения профессии объективному содержанию профессии. При высоком уровне направленности близким и нужным человеку является наиболее существенное в данной деятельности, то, в чем состоит ее объективное назначение. При низком уровне направленности ведущий мотив выражает потребность не столько в деятельности, сколько в различных, связанных с ней обстоятельствах. Основной показатель уровня — содержательность и глубина профессионального интереса с учетом его положения в системе мотивов, образующих профессиональную направленность [4]. Очевидно, что без достаточно высокого уровня профессиональной направленности невозможно оптимальное взаимодействие между человеком и избираемым им трудом. Только при этом условии можно прогнозировать успешное развитие творческих и нравственных сил личности в процессе труда. Таким образом, оптимальное развитие профессиональной направленности, основное содержание этого процесса заключается в повышении ее уровня. Было бы неверно понимать отношение к профессии односторонне, только как проявление активности, избирательности со стороны человека. В действительности здесь имеет место взаимодействие, поскольку профессия также воздействует на субъект. Это воздействие характеризуется тем, какие чувства, образы, мысли возникают в сознании под влиянием профессии и, что особенно существенно, теми объективными требованиями, которые профессия предъявляет к человеку.

Высокий уровень профессиональной направленности — это та качественная особенность структуры мотивов личности, которая выражает единство интересов и личности в системе профессионального самоопределения и повышение уровня профессиональной направленности образует основное содержание ее развития. А значит, и выбор профессии можно считать оправданным лишь в том случае, если есть надежда, что активность личности приведет к такому взаимоотношению между личностью и трудом, при котором будет успешно происходить дальнейшее развитие творческих и нравственных сил человека.

Литература

1. Березин Ф. Б. Психологическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
2. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 2000.
3. Мясщев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
4. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.; Воронеж, 1997.

УДК 37.061

В. А. Драбенко

Интегрированная система образования личности в современной концепции развития кадровых ресурсов

V. A. Drabenko. Integrated system of the personality education in the modern concept of the human resources development

В статье рассматриваются актуальные подходы, связанные с моделированием системы образования личности и формированием интегрированной системы подготовки специалистов.

Ключевые слова: личность, функции системы образования, креативно-активный, ноосферно-образовательный

Контактные данные: 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., д. 98; e-mail: drv@rshu.ru

The article are examined the urgent approaches connected with modeling of the personality education system and forming of integrated system for the specialists' training.

Key words: personality, functions of the educational system, creative-active, noospheric-educational

Contact information: 195196, Saint-Petersburg, Maloohtinsky pr., 98; e-mail: drv@rshu.ru

Реализация современной концепции развития кадровых ресурсов предполагает повышение гибкости системы получения общих и профессиональных знаний и навыков, применение индивидуальных и групповых форм работы с перспективными сотрудниками, замену преподавателей опытными консультантами.

Валерия Алексеевна Драбенко — доцент Российского государственного гидрометеорологического университета.

© В. А. Драбенко, 2010.

Развитие личности может быть общим и профессиональным, базовым, должностным и квалификационным (рис. 1).

Система развития личности	
Общее развитие	Профессиональное развитие
Качественное семейное воспитание. Систематизированные общие знания, умения и навыки, самообразование. Индекс развития человеческого потенциала	Базовая подготовка (начальное, среднее и высшее профессиональное образование). Должностная подготовка. Квалификационная подготовка

Рис. 1. Система развития личности

Общее развитие личности — это процесс получения общих систематизированных знаний, умений и навыков, которые могут эффективно использоваться во многих сферах дальнейшей профессиональной деятельности. Учитывая возрастающее значение уровня общего развития человека в целях повышения темпов экономического и социального развития, в мировой практике применяется индексный метод, используемый в ежегодных «Докладах о развитии человека» ООН [4].

Сущность метода заключается в расчете сопоставимых индексных показателей, характеризующих различные стороны экономической и социальной жизни населения в виде «индекса развития человеческого потенциала» (ИРЧП), содержащего более 100 локальных показателей. Среди 174 стран мира Россия занимает достойное 70-е место и по значению указанного индекса близка к странам «Большой семерки» (92 и 99%) [1].

Уровень общего развития личности во многом зависит от качества семейного и дошкольного воспитания детей, а также результатов современного школьного, профессионального и высшего образования в той или иной стране. Однако в условиях быстрого устаревания полученных знаний особое значение приобретает готовность человека к непрерывному самообразованию, накоплению и обновлению современных знаний, умений и практических навыков в составе каждого трудового коллектива.

Российские организации получают трудовые ресурсы с достаточно высоким уровнем общего развития. Задача руководства и специалистов кадровой службы организации заключается в создании условий для наращивания (в крайнем случае, не снижения) уровня общего развития путем приобщения к высшим духовным ценностям, сформировавшимся в виде организационной (корпоративной) культуры, которая основывается преимущественно на профессиональных знаниях, умениях и навыках.

Профессиональное развитие — это процесс подготовки сотрудников к выполнению новых производственных функций, занятию высших по социальному статусу должностей, решению новых задач в интересах организации.

Профессиональное развитие персонала направлено на преодоление расхождения между современными требованиями к работнику и качествами реального человека. Оно требует значительных усилий со стороны кандидата, поэтому невозможно без заинтересованности с его стороны. Мотивами здесь могут быть желание поскорее освоить новую работу, сохранить прежнюю и получить более высокую должность, гарантировать стабильность или рост доходов; приобрести

новые современные знания; расширить партнерские контакты; стать независимым от работодателей и конкурентоспособным на рынке труда.

На потребность в профессиональном развитии работника влияет динамика внешней среды, появление новых образцов техники и технологии, изменение стратегии и структуры организации, необходимость освоения новых видов деятельности. Ответственность за развитие персонала несут администрация, линейные руководители, а также сами работники, которые должны быть активными и нацеленными на постоянное самосовершенствование.

Руководители на основе наблюдения за работником с учетом его развития, собственного мнения и индивидуального плана карьеры формируют конкретные цели развития, которыми могут быть выработка профессиональных навыков, формирование определенного типа мышления и поведения, получение дополнительных знаний.

Эффективности системы профессионального развития личности способствует ее четкое разграничение на базовую, должностную и квалифицированную форму подготовки.

Базовая форма подготовки ставит своей целью формирование профессиональной подготовки руководителей и специалистов, отвечающих комплексу отраслевых требований. Такая подготовка осуществляется в системе начального профессионального образования (училища), среднего профессионального образования (колледжи), высшего профессионального образования (университеты, академии, институты) и дополнительного профессионального образования (школы бизнеса). Работники организации здесь могут получать (наращивать) профессиональные знания, умения и навыки по очной, очно-заочной или заочной формам обучения.

Должностная форма подготовки организуется для руководителей среднего и низового звена управления перед назначением на вышестоящую должность. Характер такой подготовки можно оценивать как отраслевой. В ее реализации принимают участие ведущие учебные заведения, а также отраслевые и внутрифирменные учебные центры.

Эффективность такой формы подготовки во многом зависит от качества планирования развития персонала организации, методического обеспечения образовательного процесса и совершенства используемой учебно-материальной базы.

В последние годы в России на государственном уровне из руководителей среднего уровня проводится целенаправленное выращивание менеджеров высшего звена, что носит межотраслевой характер. В нашей стране уже более десяти лет, начиная с середины 90-х годов прошлого века, реализуется годичная президентская программа подготовки топ-менеджеров, в процессе которой слушатели проходят двухмесячную стажировку в ведущих зарубежных фирмах.

Квалификационная подготовка — это регулярная форма работы с руководителями и специалистами силами организации с целью помочь получить дополнительные знания и умения по непосредственно выполняемой работе.

Последовательность и непрерывность развития, проводимого в соответствии с утвержденными учебными программами, отражаются в типовом плане обучения и повышения квалификации для отдельных профессий организации. Оно начинается с момента их поступления на работу и продолжается в течение всей производственной деятельности.

Профессиональное и экономическое совершенствование в системе непрерывного развития направлено на последовательное углубление и расширение профессиональных знаний и навыков в соответствии с требованиями рынка, предъявляемыми к профессии, должности и задачам, стоящим перед каждой организацией.

Система непрерывного развития и оценка ее качества позволяет организовать постоянный контроль уровня профессионализма руководителей и специалистов, а также результатов их труда, обеспечить условия для пополнения специальных знаний и навыков на протяжении всего периода деятельности. Кроме того, потребуется создать банк данных о составе и профессионализме сотрудников, планировать перестановки и карьеру руководителей и специалистов, использовать информационный банк данных для назначения перспективных кандидатов на руководящие должности.

В результате научных исследований, экспериментов и практического опыта сложились применяемые в практике организаций принципы организации непрерывного развития персонала. Среди них следует выделить:

- увязку общего и профессионального развития с решением общих производственных и кадровых задач;
- принцип индивидуализации программ развития;
- тщательную проработку методических материалов для самообразования;
- применение активных методов получения знаний и навыков для сокращения сроков освоения программ;
- создание сети специализированных учебных центров повышения квалификации;
- совершенствование мастерства путем передачи знаний, навыков и умений от руководителя к подчиненным и между коллегами.

Современный этап в развитии общества кардинально меняет требования к системе образования. Утверждается новый взгляд на его функциональную роль. Ее в растущей мере определяет идея ноосферного синтеза триады «природа — общество — хозяйство».

В свою очередь, такой синтез рассматривается как единственно возможный путь выживания и развития цивилизации в условиях XXI в. И центральным элементом здесь должна стать именно система образования, если она приобретет характер ноосферно-интегративного опережающего социального института [2], то есть будет развиваться с учетом социальной перспективы, а не только требований сегодняшнего дня, стимулируя консолидирующие тенденции и обеспечивая баланс социальных интересов.

Практическая реализация современных требований к образованию предполагает пересмотр его структурно-функционального статуса как социального института. Очевидно, что функции образовательной сферы выступают как результирующая сложной комбинации интересов субъектов социального действия. При этом как региональный, так и общегосударственный интерес репрезентируется органами власти и управления и их руководителями. К числу последних, несомненно, относятся и органы управления образованием субъектов Российской Федерации.

Значительная, а в некоторых случаях и решающая детерминанта функций системы образования диктуется складывающимся в каждом конкретном регионе балансом интересов субъектов социальной деятельности, из чего вытекает ряд следствий:

1. Структура и значение конкретных функций системы образования становятся исключительно лабильными и динамично меняются в зависимости от социально-управленческой ситуации. Нередко это является одной из причин запаздывающего развития образования, его растущей инерционности, влиятельный фактор которой — давление социальной среды. В то же время в иных ситуациях трансформация внешней среды способна довольно резко менять содержание, структуру и функции образования [3].

2. Возникают латентные функции образовательной сферы, которые в силу своего скрытого характера не становятся предметом научного анализа или практического освоения.
3. Для управленческих структур исключительную сложность приобретает проблема определения приоритетов развития образования, конкретизирующих содержание его функций. Отражением этого стала, в частности, формулировка приоритетов образовательной политики в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. К числу этих приоритетов Концепцией отнесены:
 - а) обеспечение государственных гарантий доступности качественного образования;
 - б) создание условий для повышения качества общего образования;
 - в) создание условий для повышения качества профессионального образования;
 - г) формирование эффективных экономических отношений в образовании;
 - д) обеспечение системы образования высококвалифицированными кадрами, их поддержка государством и обществом;
 - е) управление развитием образования на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики [5].

Однако при этом остается открытым вопрос, как конкретно названные приоритеты соотносятся с объективными функциями образования, насколько они могут быть сопряжены и синхронизированы с ними.

Постановка целей и задач системы образования является важнейшим технологическим элементом проектирования ее функций. А проектный подход в настоящее время уже стал необходимым условием развития образовательной сферы как интегрированной системы и на общегосударственном, и на региональном уровнях. Без проектных методов вряд ли достижимо преодоление запаздывания в эволюции образования от социально-экономических потребностей — запаздывания, которое влечет за собой многочисленные общественные издержки.

Установка на проектирование означает переход от преимущественно адаптивного отношения к системе образования, предполагающего ее перманентное подстраивание под другие социальные институты, к креативно-активному, предусматривающему ее превращение в один из главных локомотивов развития общества. Но для этого на теоретическом уровне необходимо определить принципы проектирования функций образования. В данном случае вполне могут быть использованы правила постановки стратегических целей, разработанные в трудах Р. Акоффа, А. Эмерч, Н. Ансоффа, Н. С. Данакина, С. А. Шеденкова, Дж. Моррисея [6; 7].

Прежде всего функции системы образования должны быть реальными или потенциально осуществимыми. В свою очередь, их реальность определяется как внешними условиями (состояние общества, наличие ресурсов, цели социального развития), так и внутренней эволюцией образовательной сферы.

Функции должны быть правильно определены и структурированы, то есть они должны соответствовать:

- объективным тенденциям развития региона и общества в целом, подсистемой которых и является сфера образования;
- тезаурусу (ценностно-нормативным установкам) субъекта управления системой образования;
- потенциальным возможностям системы образования [6].

Функции должны быть максимально концентрированы или количественно ограничены. Это особенно важно в силу объективной многофункциональности

образования. Названная особенность нередко побуждает к чрезмерному расширению функциональных характеристик, что в конечном итоге лишь затрудняет понимание проблемы. Функции образования должны быть сбалансированы между собой, а также с главными целевыми установками образовательной политики.

Наконец, при определении функций необходимо соблюдать правило системной иерархии функций. Ясность в отношении их иерархии не только способствует лучшему пониманию образовательных процессов, но и на практике дает возможность концентрировать усилия на наиболее важных направлениях.

Выделяя в качестве критериального основания идею дуализма функций, отражающую синтез структурно-функциональной и активистской концепции интеграции образования, мы предлагаем разделить их на две группы: нормативные и технологические функции. В рамках настоящей статьи следует рассмотреть содержание первой из указанных групп функций.

Нормативные функции репрезентируют требования субъектов социального действия к образовательной сфере, а через нее — к обществу в целом. Нормативные функции имеют несколько особенностей.

Во-первых, они вбирают в себя содержательные итоги эволюции образования как важнейшего социального института (а ее направление и результаты, как известно, в решающей степени определяются развитием всего социума, его перспективными целями). Именно поэтому ясно представить структуру нормативных функций можно лишь на основе понимания глобальных тенденций развития общества. Система образования должна и способна, по нашему мнению, создавать условия для максимального проявления этих тенденций, прежде всего в том, что касается развития человеческого потенциала. Принимая концепцию устойчивого развития цивилизации, в котором решающая роль отводится именно человеческому капиталу (ресурсу), мы полагаем, что образование сегодня призвано моделировать его будущее состояние и тем самым задавать параметры социального развития в целом.

Во-вторых, выявление и реализация данной группы функций максимально зависят от ценностно-целевых систем (тезаурусов) личностей, так или иначе включенных в образовательный процесс. Естественно, что существенные расхождения тезаурусов предопределяют различия в трактовке содержания нормативных функций. Однако, на наш взгляд, вполне может быть выработано единое понимание структуры функций и их иерархии, а на этой основе налажено взаимодействие в процессе их проектирования.

С некоторой долей условности можно выделить четыре нормативные функции интегрированной системы образования региона.

Моделирование будущего, отражающее специфику ноосферно-интегративного образования как его единственно перспективной в условиях глобализации модели. Эта функция реализуется в процессе формирования человеческих качеств обучаемых (главным образом молодых людей) и отношений между ними, а также между ними и обществом, то есть тех качеств и отношений, которые служат прообразом будущих (желаемых) качеств личности и межличностных отношений. В сфере образования, следовательно, проектируется общественный идеал личности и общества, соответствующий господствующим в данный момент представлениям.

Вся система образования в любой конкретный момент социального времени может рассматриваться как образ будущего, потенциально реализуемый при определенных условиях. Именно в этом аспекте наиболее ярко проявляется огромное влияние ценностей на функции образовательной сферы. Не случайно поэтому стремление различных политико-идеологических течений предложить свои ценностно-целевые установки в качестве нормативно-всеобщих для школы любого

уровня. Проектирование и реализация данной функции в условиях региона могут быть эффективными лишь при условии ясного осознания ориентиров развития, наличия своего рода региональной идеи, либо ориентации на общенациональную идею при условии ее наличия.

Литература

1. *Баррет Дж.* Карьера: способности и выбор. М., 2003.
2. *Урсул А.* Переход России к устойчивому развитию: ноосферная стратегия. М., 1998.
3. *Матвеева Н. А.* О соотношении инерционности и субъектности в образовании // СОЦИС. 2002. № 3.
4. *Осипов А. М.* Теоретико-методологические проблемы развития социологии образования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 1999.
5. *Концепция модернизации российской образовательной политики на период до 2010 года.* М., 2001.
6. *Моррисей Дж.* Целевое управление организацией. М., 1979.
7. *Данакин Н. С., Шеденков С. А.* Технология постановки управленческих целей. Белгород, 1996.

В. Д. Зорькин, В. С. Романов, П. П. Глущенко

Концептуальные подходы к определению механизма правового регулирования общественных отношений в условиях чрезвычайных правовых режимов в современной России

V. D. Zorkin, V. S. Romanov, P. P. Gluschenko. Conceptual approaches to determination of the mechanism to regulate of public relations under the conditions of extraordinary legal regimes in modern Russia

В статье представлен историко- и сравнительно-правовой анализ сущности, содержания и особенностей становления чрезвычайного законодательства в нашей стране и за рубежом, его возможностей ограничивать права и свободы граждан и юридических лиц. Рассматриваются конституционные нормы, регламентирующие введение и осуществление чрезвычайных правовых режимов на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: чрезвычайное законодательство, ограничение прав и свобод граждан, зона чрезвычайного положения, компенсация причиненного ущерба

Контактные данные: В. Д. Зорькин: 190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1; e-mail: pr@ksrf.ru | В. С. Романов: 103426, Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26; e-mail: post_sf@gov.ru | П. П. Глущенко: 90103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44

The historical and comparative legal analysis of substance, content and peculiarities of establishment of extraordinary law in our country and abroad, its possibilities to limit freedoms and rights of citizens and legal entities is presented in the article. Constitutional norms, regulating introduction and implementation of extraordinary legal regimes in the territory of the Russian federation are considered.

Key words: extraordinary law, limitation of citizens' freedoms and rights, compensation of the incurred damage

Contact information: V. D. Zorkin: 190000, Saint-Petersburg, Senatskaya pl., 1; e-mail: pr@ksrf.ru | V. S. Romanov: 103426, Moscow, ul. B. Dmytrovka, 26; e-mail: post_sf@gov.ru | P. P. Gluschenko: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky pr., 44

Валерий Дмитриевич Зорькин — Председатель Конституционного суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Валентин Степанович Романов — депутат Государственной Думы ФС РФ, член Комитета по экономической политике и предпринимательству.

Петр Петрович Глущенко — декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

© В. Д. Зорькин, В. С. Романов, П. П. Глущенко, 2010.

Непременным условием гармоничного развития человека и общества является и стабильное развитие государственных институтов, которое предполагает множество взаимосвязанных факторов, наиболее значимыми из которых является деятельность государства по обеспечению защищенности отдельной личности и общества в целом. Обеспечение этих интересов со стороны государства невозможно без обеспечения его собственной безопасности в силу их естественной и взаимообусловленной связи. В литературе отмечается, что под обеспечением безопасности в широком смысле подразумевается система экономических, политических, организационных, правовых и иных мер по охране и защите личности, общества и государства, адекватных угрозам их жизненно важным интересам, из чего следует, что эта задача сложная, комплексная и касается практически всего государства и общества. При этом особое внимание обращается на то, что понимание сущности обеспечения безопасности государства невозможно без научного осмысления различных аспектов функционирования и развития государства: политических, экономических, социальных, правовых, идеологических, международных.

Законодательное определение безопасности закреплено Законом РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности». Согласно ст. 1 приведенного закона безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под жизненно важными интересами законодатель понимает совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности отнесены: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность. Ст. 2 приведенного закона устанавливает, что основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей. Представляется, что в общую систему законодательно установленных органов обеспечения безопасности необходимо включить и Президента РФ. Как глава государства, наделенный конституционными и законодательными полномочиями по руководству системой обеспечения национальной безопасности России, Президент РФ утверждает общую концепцию национальной безопасности Российской Федерации. Согласно положениям преамбулы Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [1], Концепция представляет собой систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В Концепции сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации. При этом Концепция определяет, что национальная безопасность Российской Федерации — это «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации». Концепция вводит в оборот такую правовую категорию, как *национальные интересы* России. Во втором разделе Концепции национальные интересы России определяются как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства».

По этому поводу В. Д. Зорькин пишет, что основным в термине «национальные интересы» являются не интересы какой-либо нации в смысле этноса (коренного,

титульного, составляющего большинство), а единство интересов граждан и общества в рамках конкретного суверенного государства, то есть интересы народа (многонационального народа), интегрированного в государственное сообщество на основе прав, которые закреплены в Конституции [2, с. 1].

Характеризуя угрозы национальным интересам России, С. В. Пчелинцев определяет последние как совокупность осознанных, официально выраженных и сбалансированных потребностей граждан России, общества и государства в прогрессивном развитии, вытекающих из особенностей политического и социально-экономического устройства России, уровня экономического развития, исторически сложившегося места в международном разделении труда, специфики географического положения, национальных и культурных традиций. Угрозы национальным интересам многими авторами фактически приравниваются к угрозам национальной безопасности и понимаются ими как совокупность условий и факторов (процессов и явлений), препятствующих реализации национальных интересов и создающих опасности национальным ценностям и национальному образу жизни. Их источниками могут быть зарубежные государства, группировки и организации, отдельные лица, процессы и явления в экологии, экономике и других сферах.

Согласно классификации, предложенной в декабре 2004 г. Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам по поручению Генерального секретаря ООН, на современный момент существуют следующие опасности (угрозы): 1) экономические и социальные угрозы; 2) межгосударственный конфликт; 3) внутренний конфликт (в том числе гражданская война и геноцид); 4) ядерное, радиологическое, химическое и бактериологическое оружие, терроризм; 5) транснациональная организованная преступность [3, с. 17]. Анализ положений Конституции РФ, федерального законодательства, а также научных исследований позволяет судить, что безопасность личности, общества и государства в своей совокупности включает в себя две составляющие: внутреннюю и внешнюю. Следовательно, и угрозы национальным интересам (национальной безопасности) могут иметь внутренний и (или) внешнеполитический характер. Действительно, угрозы национальной безопасности Российской Федерации могут иметь внутренние причины, связанные с проявлениями сепаратизма, межконфессиональными и межнациональными конфликтами, массовыми беспорядками, террористическими актами, а также наступлением чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, биогенного, антропогенного характера, имеющих по своим последствиям (угрозе их наступления) характер национального бедствия.

Российская Федерация является частью мирового сообщества, в которое входят государства, отличающиеся уровнями экономического и военного развития, политическими режимами, геополитическими интересами, пониманием своей роли на международной арене. Это означает, что безопасность государства предполагает состояние его защищенности и от внешних угроз, к числу которых относится применение вооруженной силы иностранным государством или группой государств против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации. Каждая из угроз национальным интересам в конкретной ситуации может иметь непосредственный характер. Ст. 3 Закона РФ «О безопасности» гласит: «Реальная и потенциальная угроза объектам безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности». Из необходимости в соответствующей конкретной чрезвычайной ситуации использовать меры, направленные на нейтрализацию определенной угрозы, следует возможность применения в том числе правовых ограничений прав и свобод

граждан, прав организаций и общественных объединений, возложения на них дополнительных обязанностей в целях устранения соответствующих угроз национальным интересам.

В целях обеспечения национальной безопасности (национальных интересов) Российской Федерации Конституция РФ предоставляет Президенту РФ право введения двух видов особых (чрезвычайных) правовых режимов — чрезвычайного положения (ст. 56, 88 Конституции РФ) и военного положения (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ). Отсюда возникает необходимость проведения юридического анализа соотношения этих особых правовых режимов, допускающих наиболее существенные ограничения прав и свобод физических лиц, прав организаций и общественных объединений, возложения на них дополнительных обязанностей, выявления общих и особенных свойств, которые присущи названным правовым режимам. Изначально правовая регламентация оснований возможного ограничения конституционных прав и свобод личности определяется положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ее нормы устанавливают, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Одним из видов особого (чрезвычайного) правового режима, введение которого допускает существенное ограничение конституционных прав и свобод физических лиц, а также прав организаций, является режим чрезвычайного положения. В соответствии с ч. 2 ст. 56 Конституции РФ чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона (далее — ФКЗ) от 30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении», чрезвычайное положение вводится лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. Пункт «а» ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» к обстоятельствам введения чрезвычайного положения относит социально-политические конфликты, криминогенные обстоятельства, а именно: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти; вооруженный мятеж; массовые беспорядки, террористические акты; блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей; подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований; межнациональные, межконфессиональные и религиозные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Пункт «б» ст. 3 указанного Закона к обстоятельствам введения чрезвычайного положения относит: чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера; чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ. Таким образом, обстоятельствами введения чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях являются основания социально-политического, кри-

миногенного характера, а также чрезвычайные ситуации природно-техногенного свойства. Причем в первых двух случаях чрезвычайная ситуация может носить как реальный, так и потенциальный характер. Во втором случае, как правило, можно говорить только о реальной угрозе, которая может усиливаться по мере развития экстремальной ситуации.

Согласно ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении», целями введения чрезвычайного положения являются «устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации». Анализ приведенных норм указанного ФКЗ позволяет судить, что они в полной мере соотносятся с диспозицией ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, поскольку, во-первых, чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленном федеральным конституционным законом; во-вторых, введение чрезвычайного положения является одной из крайних вынужденных, но объективно необходимых мер, то есть при введении чрезвычайного положения государство использует комплекс чрезвычайных организационно-правовых средств и методов воздействия на сложившуюся обстановку как «крайнюю необходимость»; в-третьих, цели введения чрезвычайного положения, установленные ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении», не выходят за рамки целей ограничения прав и свобод личности, которые предусмотрены ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Другим видом экстраординарного правового режима, введение которого предусмотрено ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, является правовой режим военного положения. В современной отечественной правовой доктрине существуют различные подходы к определению содержания правового режима военного положения. Так, С. В. Пчелинцев характеризует военное положение как один из видов особого правового режима деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций в исключительных для государства обстоятельствах. А. В. Мелехин определяет военное положение как один из видов особых правовых режимов, устанавливаемых в результате приведения в действие чрезвычайного законодательства по возникновению внешних реальных угроз личности, обществу или государству. Э. Г. Липатов рассматривает военное положение как совокупность определенных норм, стандартов, правил поведения, которые устанавливаются как условие отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. В. Б. Рушайло отмечает, что существование института военного положения обусловлено необходимостью обеспечения обороноспособности государства. Законодательное определение военного положения закреплено в ФКЗ от 30 января 2002 г. «О военном положении». Пункт 1 ст. 1 этого ФКЗ определяет военное положение как особый правовой режим, вводимый на всей территории России или в отдельных ее местностях Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Закон вводит в оборот понятие «режим военного положения», который определяется законодателем как «комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации».

В международном праве понятие агрессии закреплено Резолюцией № 3314 «Определение агрессии», принятой 14 декабря 1974 г. XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Часть 1 ст. 1 приведенной Резолюции устанавливает: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого

государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении». При этом приведенный международный акт устанавливает, что независимо от объявления войны любое из ниже перечисленных действий будет квалифицироваться в качестве акта агрессии: вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее; бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства; блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства; применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

ФКЗ «О военном положении» фактически воспроизводит положения ст. 1 Резолюции № 3314 XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г. Согласно п. 2 ст. 3 ФКЗ «О военном положении», «агрессией против Российской Федерации признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН». Пункт 2 ст. 3 названного ФКЗ устанавливает, что актами агрессии независимо от объявления иностранным государством (группы государств) войны Российской Федерации признаются: вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, любая военная оккупация территории Российской Федерации, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, либо любая аннексия территории Российской Федерации или ее части с применением вооруженной силы; бомбардировка вооруженными силами иностранного государства (группы государств) территории Российской Федерации или применение любого оружия иностранным государством (группой государств) против Российской Федерации; блокада портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства (группы государств); нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска независимо от места их дислокации; действия иностранного государства (группы государств), позволяющего (позволяющих) использовать свою территорию другому государству (группе государств) для совершения акта агрессии против Российской Федерации; засылка иностранным государством (группой государств) или от имени иностранного государства (группы государств) вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты примене-

ния вооруженной силы против Российской Федерации, равносильные указанным в настоящем пункте актам агрессии.

Резолюция № 3314 XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г. не дает определения непосредственной угрозы агрессии как возможного основания введения в государстве военного положения, что является определенным пробелом в международном праве. Следует отметить, что ФКЗ «О военном положении» устанавливает перечень обстоятельств, содержащих признаки непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. Согласно положениям п. 3 ст. 3 данного Закона, «непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации могут признаваться действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации». Пункты 5 и 6 первого раздела Военной доктрины Российской Федерации определяют, какие из внешних и внутренних угроз Российской Федерации являются основными на данный период времени. Так, согласно Военной доктрине, к основным внешним угрозам Российской Федерации относятся: территориальные претензии к Российской Федерации; вмешательство во внутренние дела Российской Федерации; попытки игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира; наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников; создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях; расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации; ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств; создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации и ее союзников; нападения (вооруженные провокации) на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территориях иностранных государств, а также на объекты и сооружения на Государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане; действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов; враждебные, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия; дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации в иностранных государствах; международный терроризм.

Проведенный анализ законодательно определенных обстоятельств введения чрезвычайного положения и оснований для введения военного положения в Российской Федерации позволяет судить, что они различны, как различны и международные акты, допускающие введение в государстве этих чрезвычайных право-

вых режимов. Введение чрезвычайного положения в России или в ее отдельных местностях может быть обусловлено внутренними социально-политическими, криминогенными факторами, а также чрезвычайными ситуациями природного, техногенного, биогенного, антропогенного свойства, которые по степени угроз наступления или наступившим последствиям объективно требуют введения чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях. Введение же военного положения в России обуславливается актом агрессии (угрозы агрессии) в отношении Российской Федерации иностранного государства (группы государств). Следовательно, характер угроз (внутренних и внешних), а также обстоятельства введения указанных чрезвычайных правовых режимов существенно отличаются.

Характеризуя отличительные свойства оснований (обстоятельств) введения военного и чрезвычайного положения А. В. Мелехин пишет, что основаниями введения военного положения в Российской Федерации являются только причины внешнего характера (факт агрессии или угроза агрессии), представляющие опасность для национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства. Чрезвычайные ситуации, обусловленные внутренними причинами, служат основаниями введения в стране чрезвычайного положения.

В. В. Лозбинец в этом же контексте отмечает: «Чрезвычайное положение является особым правовым режимом деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц, а также общественных объединений, вводимым как временная мера в соответствии с Конституцией Российской Федерации на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях в исключительных случаях, связанных с обстоятельствами внутреннего для государства характера — для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя. В этом состоит его отличие от военного положения, которое также является особым правовым режимом, но применяется в исключительных случаях, связанных с обстоятельствами внешнего характера — необходимостью отражения агрессии против Российской Федерации или предотвращения непосредственной угрозы агрессии».

П. А. Смирнов обращает внимание на то, что чрезвычайное положение является временной мерой и может применяться в исключительных случаях, связанных с обстоятельствами внутреннего для государства характера: для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя России (ч. 2 ст. 1 Закона «О чрезвычайном положении»). В этом заключается его основное отличие от «режима военного положения», который применяется в исключительных случаях, связанных только с обстоятельствами внешнего характера: необходимостью отражения агрессии против Российской Федерации или предотвращения непосредственной угрозы агрессии.

С. В. Пчелинцев замечает по этому поводу, что, исходя из смысла ст. 87 Конституции РФ, иных оснований для введения Президентом РФ на территории России или в ее отдельных местностях военного положения, кроме агрессии или непосредственной угрозы агрессии против РФ, федеральным законодательством определено быть не может. Подобную точку зрения выказывают и иные авторы.

Различными являются и международные акты, в соответствии с которыми действующая Конституция РФ и федеральное законодательство допускают введение правовых режимов чрезвычайного и военного положений. Согласно ч. 1 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, допускается отступление от обязательств во время чрезвычайного положения в государстве, при котором «жизнь нации находится под угрозой». Введение военного положения в Российской Федерации, помимо Конституции РФ и ФКЗ «О военном

положении», основывается на положениях Резолюции № 3314 XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г., Уставе ООН, иных общепринятых принципах и нормах международного права. Следует отметить, что к важнейшим международным соглашениям о правилах и допустимых средствах ведения войны относятся: Петербургская декларация 1868 г. об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль; Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, о бомбардировании морскими силами во время войны, о правах и обязанностях нейтральных держав в случаях сухопутной войны, морской войны и по некоторым другим вопросам; Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств; Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны; Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта; Конвенция 1972 г. о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении и др. Далее следует отметить, что федеральное законодательство о чрезвычайном и военном положении предполагает различные по своему содержанию цели введения названных экстраординарных правовых режимов. Согласно ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении», целями введения чрезвычайного положения являются «устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации».

Иная цель преследуется при введении на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях режима военного положения. В соответствии с п. 2 ст. 1 ФКЗ «О военном положении» целью введения военного положения «является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации». Как отмечает А. В. Мелехин, введение режима военного положения преследует цель поддержания обороноспособности страны, государственной безопасности, общественного порядка, защиты граждан при наступлении военной угрозы. Правовые режимы военного и чрезвычайного положения отличаются также законодательным закреплением системы чрезвычайных мер и степени интенсивности допускаемых ограничений прав и свобод человека и гражданина, прав организаций и общественных объединений. По этому поводу можно отметить, что ФКЗ «О чрезвычайном положении» и ФКЗ «О военном положении» закрепляют общую систему экстраординарных мер и временных ограничений, которые могут применяться компетентными субъектами при введении названных чрезвычайных режимов. Например, что как при введении чрезвычайного положения, так и при введении военного положения могут применяться следующие меры и ограничения: усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (п. «в» ст. 11 ФКЗ «О чрезвычайном положении», пп. 2 п. 2 ст. 7 ФКЗ «О военном положении»); введение комендантского часа (п. «а» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении», пп. 12 п. 2 ст. 7 ФКЗ «О военном положении»); приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений (п. «в» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении», пп. 9 п. 2 ст. 7 ФКЗ «О военном положении»); ограничение права на участие в выборах и референдумах граждан Российской Федерации (ст. 14 ФКЗ «О чрезвычайном положении», п. 4. ст. 7 ФКЗ «О военном положении») и др. Вместе с тем ФКЗ «О военном положении» содержит перечень чрезвычайных мер и ограничений прав личности, прав организаций и общественных объединений, которые могут применяться только при введении названного вида экстраординарного правового режима. Например, в соответствии с положениями пп. 16 п. 2

ст. 7 ФКЗ «О военном положении» при введении военного положения допускается интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией. Подпункт 17 п. 2 ст. 7 указанного ФКЗ предусматривает возможность устанавливать запрет или ограничение выезда граждан за пределы территории РФ на период действия военного положения.

Ст. 8 ФКЗ «О военном положении» устанавливает, что в период действия военного положения федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в целях производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил России, иных воинских формирований, нужд населения могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности. Ограничения также могут устанавливаться на оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. В период действия военного положения могут быть временно изменены форма собственности организаций, порядок и условия процедур банкротства, режим трудовой деятельности и др. Таким образом, в условиях военного положения могут ограничиваться отдельные конституционные права и свободы граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства, деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. На физических лиц, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности, предусмотренные федеральным законодательством.

В этой связи В. В. Гущин замечает, что «на режим военного положения возлагаются задачи стабилизации системы общественных отношений, обеспечения работы государственных институтов, общественного порядка и общественной безопасности. Кроме того, режим военного положения должен обеспечить успешное действие вооруженных сил» [4, с. 90].

В. Б. Рушайло обращает внимание на то, что институт военного положения необходимо рассматривать не как средство, с помощью которого происходит нарушение прав и свобод граждан, а как составную часть государственно-правовых средств, призванных обеспечить неукоснительное осуществление интересов государства и общества за счет ограничения отдельных прав и свобод личности. Подобную точку зрения высказывает и С. В. Пчелинцев. Он считает, что особые правовые режимы следует рассматривать не в качестве специального инструмента ограничения прав и свобод граждан, а как составную часть правового арсенала, призванного обеспечить интересы личности, общества и государства.

В. М. Гессен по этому поводу писал, что предметом исключительного положения является не упразднение гражданской свободы вообще, а ограничение ее отдельных проявлений в тех случаях, когда это необходимо для охраны общественного спокойствия и государственного порядка. В связи с этим следует обратить внимание на допустимые пределы ограничения прав и свобод личности при введении военного положения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях.

Еще до принятия ФКЗ «О военном положении» и ФКЗ «О чрезвычайном положении» некоторые авторы (С. Н. Бабурин, А. П. Коротков, Ю. Ю. Соковых и др.) высказали точку зрения о том, что для режима военного положения характерен еще больший объем ограничений прав и свобод личности, чем для режима чрезвычайного положения. Подобные суждения обосновываются отсутствием закрепления в ст. 87 Конституции РФ системы прав и свобод личности,

не подлежащих ограничению в условиях военного положения. В то время как нормы Конституции РФ о чрезвычайном положении (ч. 3 ст. 56) устанавливают перечень «абсолютных» прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения в Российской Федерации. Действительно, ни положения ст. 87 Конституции РФ, ни нормы ФКЗ «О военном положении» не указывают на конкретную систему прав и свобод личности, не подлежащих ограничению при введении военного положения. Ст. 1 ФКЗ «О военном положении» лишь закрепляет положение о том, что в период действия военного положения могут, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, ограничиваться права и свободы граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства. Однако это вовсе не означает, что в условиях военного положения могут применяться *любые* чрезвычайные меры и ограничения прав и свобод личности, в том числе не предусмотренные нормами международного права и основанного на нем внутрисоциального законодательства. Применение средств и методов войны, выходящих за рамки норм международного гуманитарного права и национального законодательства, порождает возможность привлечения виновных лиц к установленным законом мерам уголовной ответственности.

В литературе высказана точка зрения о том, что по аналогии с нормами о режиме чрезвычайного положения, в период действия военного положения не должны подлежать ограничению права и свободы, закрепленные в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. С. В. Пчелинцев по этому поводу замечает, что объем возможных ограничений прав и свобод граждан во время военного положения не может быть безграничным, а непременно должен иметь конкретные пределы, устанавливаемые законодательством. Он акцентирует внимание на том, что возможные ограничения любых прав и свобод граждан должны соответствовать международно-правовым нормам и осуществляться в строгом соответствии с национальным законодательством. Ограничения прав и свобод, по мнению С. В. Пчелинцева, следует рассматривать как «вынужденное, но объективно обусловленное средство обеспечения безопасности личности, общества и государства, применяющееся на основании закона и в соответствии с нормами международного права только в качестве исключительной меры, причем обязательно временного характера (на период действия особых правовых режимов)».

Сущность ограничения прав и свобод граждан в условиях особого правового режима «заключается в приостановлении действия ряда прав и свобод как меры временного характера, которая применяется в виде законодательно установленных ограничений и запретов совершать определенные действия; введении дополнительных обязанностей, которые выражаются в сокращении (сужении) общего объема прав и свобод граждан, затрагивающих их статус».

Литература

1. *Концепция* национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 52. Ст. 5909 (с изм. от 10 января 2000 г.).
2. *Зорькин В. Д.* Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность: доклад на международной научно-практической конференции (25 октября 2005 г., Москва). М., 2005.
3. *Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации* / под. ред. В. Г. Вишнякова. М., 2005.
4. *Гущин В. В.* Общественная безопасность и чрезвычайные ситуации. М., 1996.

Н. Ф. Звенигородская

Ювенальная юстиция, ювенальная политика, защита прав и свобод детей

*N. F. Zvenigorodskaya. Juvenile justice, juvenile policy,
defense of juveniles' rights and freedoms*

В статье исследуются причины и условия правонарушений несовершеннолетних, обосновывается необходимость создания специализированной ювенальной юстиции, способной эффективно предупреждать правонарушения и искоренять порождающие их причины. Доказывается необходимость изучения проблем государственной ювенальной политики, учитывающей вопросы воспитания, трудоустройства несовершеннолетних, совершенствования работы детских учреждений, создания центров по подготовке, переподготовке и повышению квалификации лиц, работающих в данной сфере. Автор акцентирует внимание на необходимости более эффективной, адресной, персональной социально-экономической и социально-правственной помощи несовершеннолетним, начиная с дошкольных учреждений.

Ключевые слова: ювенальная политика, ювенальная юстиция, социально-правовая защита прав несовершеннолетних, правонарушение, юридическая ответственность несовершеннолетних, детская безнадзорность, юридическая помощь несовершеннолетним, семейные правоотношения

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44.

In the article are examined reasons and conditions for the juveniles' offences, is justified the necessity to establish the special juvenile justice, capable to efficiently prevent juveniles' offences and eradicate reasons generating them. The necessity to study problems of public juvenile justice, taking onto account issues relating to bringing up, employment, development of preschool institutions work, setting up centers to train, re-train and upgrade professional skills of employees in this field, is proved. The author emphasizes the necessity for more efficient, target, personal socio-economic and socio-moral aid to juveniles, starting with preschool institutions.

Key words: juvenile policy, juvenile justice, socio-legal defense of the juveniles' rights, offence, legal responsibility of the juveniles, child neglect, legal aid to juveniles, family relations

Contact information: 190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky pr., 44.

Современными реалиями является появление в нашем лексиконе таких терминов, как «ювенальная политика», «ювенальная юстиция», «ювенальное правосудие», «ювенальное право». Ювенальной политикой в самом общем виде принято называть социально ориентированную государственную политику в отношении несовершеннолетних. Следует признать, что проблемные вопросы осуществления ювенальной политики прослеживаются на всех этапах формирования личности и социализации несовершеннолетних. Ювенальная политика станет эффективной лишь тогда, когда она будет являться элементом всей государственной правовой системы, в том числе в сфере преступности несовершеннолетних. Она должна

Наталья Федоровна Звенигородская — доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

© Н. Ф. Звенигородская, 2010.

быть органично взаимосвязана со всеми направлениями государственной правовой политики на стадиях выработки, принятия и реализации решений. Так, государственная семейная политика является составной частью социальной политики Российской Федерации и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение и повышение качества жизни семьи. Цель государственной семейной политики заключается в обеспечении государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышении качества жизни.

Среди принципов, в соответствии с которыми регулируются семейные отношения, законодатель в п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее — СК) называет приоритет семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. В правовой литературе мы находим, что ювенальная юстиция возникла в конце XIX в. в Чикаго, а впервые термин «ювенальная юстиция» был использован в так называемых Пекинских правилах, точнее — в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1985 г.). В данном международном правовом акте подчеркивается важнейшая роль семьи в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Не случайно законодатель поставил семью на первое место в перечне всех возможных ресурсов в профилактической работе по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Каждое общество должно придавать первостепенное значение потребностям и благополучию семьи и всех ее членов. Поскольку семья является ее основной ячейкой, ответственной за первичную подготовку детей к жизни в обществе, государству и общественным учреждениям следует прилагать усилия для сохранения целостности семьи. Общество обязано оказывать семье помощь в обеспечении ухода за детьми и их защиты и в укреплении их физического и психического здоровья.

Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 г., устанавливают в п. 13, что правительствам следует вырабатывать политику, способствующую воспитанию детей в условиях стабильной и благополучной семьи. Семьям, нуждающимся в помощи для преодоления внутренней нестабильности или конфликтных ситуаций, должны предоставляться необходимые услуги [1, с. 44–48]. В подтверждение того, что семья представляет собой важный социальный институт в государстве, Конституция РФ (принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) провозгласила в ст. 38: «Материнство, детство, семья находятся под защитой государства». В соответствии с этим конституционным принципом выстраивается государственная политика в отношении семьи и, прежде всего, несовершеннолетних. Таким образом, государственная семейная политика является частью государственной социальной политики.

Считая ювенальную юстицию правовой основой социальной политики в отношении несовершеннолетних, российские ученые прежде всего называют правовой основой социальной политики РФ в отношении несовершеннолетних Конвенцию ООН «О правах ребенка» 1989 г. [2]. Далее следуют ст. 38 Конституции РФ и два Федеральных закона — «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и «Об основах системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних». Названный перечень представляется нам далеко не полным. Не ставя перед собой цель полно и четко определить в настоящей статье правовую основу социальной политики России в отношении несовершен-

нолетних, тем не менее следует включить в обзор Пекинские правила 1985 г. и Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г. Полагаем, незаслуженно оказался оставленным без внимания и правового анализа важный международно-правовой акт — Декларация прав ребенка, которая была принята тридцатью годами раньше в рамках Конвенции ООН «О правах ребенка». В преамбуле Декларации, провозглашенной резолюцией 1386 XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., говорится, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и защите, включая надлежащую правовую защиту, а человечество обязано давать детям лучшее, что оно имеет. Эта Декларация была провозглашена с целью обеспечить детям счастливое детство, пользование всеми правами и свободами. Именно с этого момента 20 ноября считается Днем права ребенка.

Историческая память требует от нас вспомнить и отдать должное предвещнице Декларации прав ребенка — Хартии прав ребенка, которая была принята Генеральной Ассамблеей Лиги Наций 24 сентября 1924 г. и стала известна как Женевская декларация прав ребенка. Ее историческое значение в том, что она явилась первым международно-правовым актом по охране прав и интересов детей. Хартия подчеркивала, что забота о детях и их защита не является более исключительной обязанностью семьи и даже отдельного государства. Все человечество должно заботиться о защите детства. Именно Хартией впервые было сформулировано четыре принципа, положенных в основу международно-правовой защиты детей:

I. Ребенку должна предоставляться возможность нормального развития (материального и духовного). Голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должен быть дан приют и все необходимое для их существования.

II. Ребенок должен быть первым, кто получит помощь при бедствии.

III. Ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование, но он должен быть огражден от всех форм эксплуатации.

IV. Ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения [3, с. 16].

Эти важные для мирового сообщества принципы находят свое выражение и в современных национальных законодательствах. Так, например, реализуя эти принципы, российский законодатель закрепил в Семейном кодексе РФ среди основных начал семейного законодательства принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (п. 3 ст. 1). Правовой институт осуществления и защиты семейных прав содержит в п. 1 ст. 8 СК норму права, предусматривающую, что защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства. На защиту прав несовершеннолетних детей направлена и норма права ст. 21, предусматривающая в п. 1, что при наличии у разводящихся супругов несовершеннолетних детей расторжение брака производится в судебном порядке. В интересах детей российским законодательством также установлено, что разводящиеся супруги, решая жизненно важные для несовершеннолетних детей вопросы, вправе заключить следующие семейно-правовые договоры: а) соглашение о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети; б) алиментный договор о порядке выплаты средств на содержание детей. В дальнейшем механизм защиты несовершеннолетних детей работает следующим образом: п. 1 ст. 23 СК устанавливает право супругов представить на рассмотрение суда соглашение о детях (это понятие

включает в себя два названных нами семейно-правых договора). При отсутствии такого соглашения либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их прав. В соответствии с п. 2 ст. 24 СК он обязан определить: а) с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; б) с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на содержание детей. Таким образом, делает правильный вывод Е. А. Чефранова, суд обязан решить вопросы воспитания и содержания детей независимо от наличия спора и предъявления соответствующих требований [4].

Установленная российским законодательством указанная обязанность суда направлена прежде всего на защиту прав несовершеннолетних в семейно-правовой сфере. Это тот редкий случай, когда суду предоставлено право выходить за пределы исковых требований. Мировой судья, установив, что у супругов имеются общие несовершеннолетние дети, ни в коем случае не должен ограничиваться вынесением решения о расторжении брака между супругами, оставив без внимания вопросы о месте проживания и содержания детей. Он должен выявить наличие и содержание соглашений, достигнутых родителями по этим вопросам. Только убедившись в отсутствии спора и достижении соглашения, обеспечивающего соблюдение прав ребенка, мировой судья вправе вынести решение о расторжении брака. «Таков подлинный смысл закона, направленного на защиту интересов ребенка как наиболее слабого, уязвимого участника семейных правоотношений», — не без оснований считают С. Ю. Чашкова и Е. А. Чефранова [5, с. 47].

Следует отметить, что Женевская декларация прав ребенка 1924 г. (она же Хартия прав ребенка) в связи с распадом Лиги Наций в 1946 г. потеряла свою юридическую силу. Но, несмотря на это, она сыграла важную историческую роль в формировании правовых основ защиты несовершеннолетних. Впоследствии в 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, в которой было провозглашено, что все дети имеют право на особое попечение и помощь [6, с. 35–37]. Как видим, данный принцип является развитием принципов Хартии прав ребенка. Это же можно отметить в отношении правовых положений Декларации прав ребенка. Несмотря на важность и гуманность принципов, провозглашенных Хартией прав ребенка 1924 г. и Декларацией прав ребенка 1959 г., оказанное ими влияние на социальную политику государств во всем мире, указанные международные акты носили лишь рекомендательный характер. В дальнейшем защита прав ребенка, его право на защиту семьей и защиту в случае распада семьи нашли свое закрепление в первом международном обязывающем правовом акте в области прав человека — Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН [7].

Многие исследователи считают, что особенность положения ребенка происходит из его незащитности. С этим трудно не согласиться. «В период перехода к рыночной экономике, сопровождающийся расслоением нашего российского общества на два социально-противоположных класса: богатых и бедных, не может не обращать на себя внимания падение социально-нравственных устоев современной семьи, когда даже родители детей из благополучных семей, стремясь обеспечить естественные потребности членов семьи, уделяют все меньше времени воспитанию и обучению детей и подростков, недостаточно следят за состоянием их здоровья», — отмечает Е. М. Никитина [8]. В этой связи нам вновь хотелось бы обратиться к принципу № 2 Декларации прав ребенка 1959 г., который гласит: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы

и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка». Важность и значение данного положения трудно переоценить. На наш взгляд, историческое значение Декларации прав ребенка 1959 г. как раз и состоит в том, что в ней впервые был закреплен принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, о чем, к сожалению, подчас незаслуженно забывают.

Спустя три десятилетия Конвенция «О правах ребенка» 1989 г. вновь подчеркнула, что дети имеют право на особую заботу и помощь. В преамбуле к Конвенции указывается, что семья как основная ячейка общества является естественной средой для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, ей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие с тем, чтобы семья могла полностью возложить на себя обязанности по воспитанию детей, тем самым исключив из жизни ребенка правонарушения. На уровне российского национального законодательства государственный интерес в регулировании семейных отношений выражен в ст. 7 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства.

Считая Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г. «важным кирпичиком» в строении правовой основы социальной политики государства в отношении несовершеннолетних, важно отметить, что они главное внимание уделили порядку применения ранних превентивных и защитных мер к несовершеннолетним. Они направлены на увеличение совместными усилиями позитивной роли различных социальных учреждений, включая семью, систему образования, средства массовой информации и общину, а также самих молодых людей. Эр-Риядские руководящие принципы подчеркнули, что залогом предупреждения правонарушений несовершеннолетних является обеспечение благополучия, развития прав и интересов всех молодых людей.

В российском обществе, как отмечает В. И. Абрамов, постепенно формируется адекватное отношение к проблемам прав детей, намечается ответственная государственная политика, и это значит, что наступил поворот национального самосознания к проблемам прав ребенка [9, с. 79–84]. Автор делает оптимистический прогноз и заключает, что этот процесс не просто начался, а приобретает благоприятный характер. Подтверждением признания государством значимости проблемы детей и семьи является разработка в России Национального плана действий в интересах детей. Так, в качестве базовой ценности для Основных положений Концепции разработки и реализации в России Национального плана действий в интересах детей признается ребенок как субъект, которому предстоит жить, обеспечивая в будущем жизнедеятельность, продолжение человеческого рода и общественное развитие, а также его семья как основной и ключевой институт общества, обеспечивающий его рождение, воспитание, жизнедеятельность и развитие [10].

Государственно-правовая политика в отношении несовершеннолетних должна совершенствоваться в соответствии с принципами: гуманизма и социальной справедливости; комплексного подхода; приоритетного значения профилактической работы; дифференцированного воздействия и альтернативного наказания несовершеннолетних правонарушителей. В правовой литературе гуманизм называют основной чертой философии ювенальной юстиции. В числе основных принципов ювенальной юстиции также прежде всего указывают на гуманизм и индивидуализацию. Проведенный нами анализ международного права в области защиты прав детей не случаен и имел определенную цель. Так, к актуальным задачам государственно-правовой политики в отношении несовершеннолетних, как посчитала межвузовская научно-практическая конференция «Преступность

несовершеннолетних: психолого-юридические аспекты» (6 апреля 2007 г., Санкт-Петербургский университет МВД России), участником которой являлась автор, относятся: приведение федерального и регионального законодательства в соответствие с международными стандартами ювенальной политики; признание приоритета прав и законных интересов личности ребенка; сочетание гуманизации исполнения наказания несовершеннолетних правонарушителей с созданием оптимальных социально-психологических условий для отбывания наказания, использованием альтернативных форм наказания; переход от системы детских домов к детским домам семейного типа по всей территории страны и др. Указанные задачи государственно-правовой политики в отношении несовершеннолетних призваны решать государство, общество в целом, семья как ее основная ячейка, ювенальная юстиция.

Человеческая цивилизация еще в первой трети XX в. признала, что наиболее благоприятной атмосферой для выживания, защиты прав и развития ребенка является его родная биологическая семья. Но нередко случается, что именно в семье происходят события, которые нарушают права ребенка. Это может быть как физическое, так и психическое, а также духовно-интеллектуальное насилие. Государство призвано защищать детей от произвола семьи, жестокого обращения с ними. С этой целью в Уголовный кодекс РФ введена ст. 156. Ответственность по ней наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, за жестокое обращение с детьми. Как отмечает Н. С. Шерстнева, только в Ростовской области в первом полугодии 2005 г. в отношении родителей возбуждено 42 уголовных дела за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, 23 аналогичных дела возбуждено в Ивановской области. Порой родители совершают даже особо тяжкие преступления в отношении детей [11, с. 28].

Не согласившись с узким взглядом на ювенальную юстицию как правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей, мы приведем здесь более взвешенные суждения и аргументы. Так, Н. Л. Хананашвили считает необходимым сформировать и постоянно совершенствовать систему действий всех институтов общества и граждан. Эта система должна быть направлена на обретение ребенком семьи или сообщества, возможно более близкого к семейной форме воспитания; своевременное оказание помощи испытывающему те или иные трудности; оказание помощи ребенку, оказавшемуся в конфликте с законом. По мнению указанного автора, названные задачи способна успешно решать система ювенальной юстиции в широком понимании данного термина — как система правовых и социальных действий, реализуемых в отношении ребенка для защиты и обеспечения его прав. Правовым стержнем системы, ее основой является специализированный ювенальный суд [12, с. 21].

По мнению С. В. Черчага, федерального судьи ювенального суда г. Таганрога Ростовской области, система ювенальной юстиции — это совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка (несовершеннолетнего). В рамках системы ювенальной юстиции осуществляются программы, проекты и мероприятия социального, педагогического, юридического, психологического и медицинского характера, направленные на профилактику противоправного поведения и реабилитацию ребенка [13, с. 11].

Е. Л. Воронова рассматривает ювенальную юстицию как правовую основу социальной политики в отношении несовершеннолетних, систему защиты прав

и законных интересов несовершеннолетних, объединяющую вокруг специализированного суда по делам несовершеннолетних (ювенального суда) социальные службы (органы и учреждения государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), институты гражданского общества. Ювенальная юстиция, считает автор, это и особая система правосудия, при которой ее центральное звено — ювенальный суд — тесно взаимодействует с социальными службами как до рассмотрения дела судом, так и после принятия судебного решения независимо от того, рассматривает ли суд материалы в отношении несовершеннолетнего правонарушителя либо осуществляется защита прав несовершеннолетнего в порядке гражданского судопроизводства [14].

Изложенные взгляды в правовой науке и судебной практике говорят в пользу более широкого понятия ювенальной юстиции, нежели только в ее значениях как правовой основы социальной политики, особой системы правосудия и правосудия для несовершеннолетних правонарушителей. Более того, широкий взгляд на ювенальную юстицию отражен также и в трех базовых законопроектах, касающихся внедрения ювенальной юстиции, которые разрабатывались с 1998 г. Так, например, проект Федерального конституционного закона «О внесении дополнений в ФКЗ «О судебной системе РФ» предусматривает введение в судебную систему в рамках системы судов общей юрисдикции специализированных ювенальных судов, которые рассматривали бы гражданские, административные и уголовные дела. Проект ФКЗ «Об ювенальных судах РФ» определяет систему и иерархию ювенальных судов. И наконец, третий законопроект «Об основах системы ювенальной юстиции» выстраивает весь комплекс государственных и общественных институтов, которые обеспечивают построение и функционирование системы ювенальной юстиции.

Процесс принятия данных законопроектов затянулся. В правовой науке и судебной практике все больше высказывается мнений за создание таких специализированных судов. Сегодня для создания системы ювенальной юстиции в России необходима политическая воля власти, деятельное подтверждение готовности заниматься сохранением и защитой наших детей [12, с. 22]. Пока же, начиная с января 2001 г. в Москве и Санкт-Петербурге, с 2004 г. в Ростовской области и других регионах (г. Ангарск Иркутской области) реализуется пилотный проект Программы развития ООН в РФ «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних». Так, например, к рассмотрению судебным составом по делам несовершеннолетних Таганрогского городского суда — так называемого ювенального суда — отнесены не только уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних, но и гражданские дела, связанные с защитой прав несовершеннолетних: лишение родительских прав, установление факта признания отцовства, определение места жительства ребенка и порядка общения с ним, защита имущественных и неимущественных прав несовершеннолетнего. Это соответствует конституционному положению: п. 1 ст. 46 Конституции РФ устанавливает, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. А в соответствии со ст. 8 СК защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, в случаях же, предусмотренных СК, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства. Защита семейных прав осуществляется способами, предусмотренными соответствующими статьями СК. Из рассмотренных Таганрогским горсудом в 2004 г. 158 гражданских дел наибольшее количество приходится на семейно-правовую сферу. Среди них «лидируют»: лишение родительских прав (ст. 69 СК), определение порядка общения с ребенком (ст. 66 СК), установление усыновления/удочерения (ст. 125 СК), определение места жительства ребенка (ст. 24 СК). Также суд рассмотрел дела об оспаривании отцовства (ст. 52 СК) и

установлении отцовства (ст. 49 СК), восстановлении родительских прав (ст. 72 СК). Конкуренцию указанным гражданским делам, возникающим из семейных правоотношений, составили только жилищные споры. Кроме того, были рассмотрены также дела по спорам, вытекающим из защиты прав ребенка на имущество и дела о возмещении вреда, причиненного здоровью ребенка.

89% от рассмотренных 158 дел было удовлетворено, то есть судебными решениями было установлено, что нарушения прав несовершеннолетних граждан имели место; иски, направленные на защиту прав детей, были удовлетворены, права детей были защищены [13, с. 11]. В данном случае следует обратить внимание на конституционную норму права, закрепленную в п. 3 ст. 36, являющуюся также гарантией защиты прав детей. Когда исчерпаны все имеющиеся внутри государства средства правовой защиты, каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Если национальное законодательство такую защиту не обеспечивает, то законный представитель несовершеннолетнего лица, право которого было нарушено, вправе непосредственно обратиться в Европейский суд по правам человека — специально созданную наднациональную судебную инстанцию.

Н. Н. Тарусина отмечает, что «свойства (особенности регулятивного и охранительного семейного правоотношения), социальная ценность субъективного семейного права или интереса определяют (или, по крайней мере, должны определять) гражданско-процессуальную форму рассмотрения и разрешения семейно-правового конфликта» [15, с. 28]. Важной гарантией защиты прав детей, предусмотренной семейным законодательством, является положение о том, что по общему правилу на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется (ст. 9 СК). Исключения составляют лишь случаи, указанные законодателем в специальных нормах СК. Так, например, согласно п. 2 ст. 107 СК, алименты присуждаются с момента обращения в суд, но они могут быть взысканы судом за прошедший период в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд, если судом будет установлено, что до обращения в суд принимались меры к получению средств на содержание, но алименты не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты.

Из названных категорий гражданских дел, вытекающих из семейных правоотношений, по двум — определение порядка общения с ребенком и определение места жительства ребенка — возможна договорная форма рассмотрения и разрешения семейно-правового конфликта. Так, российский законодатель, расширяя диспозитивные начала в семейном законодательстве, предоставляет участникам семейного права заключать различные семейно-правовые договоры. Например, п. 1 ст. 66 СК определяет право на общение с ребенком родителя, проживающего отдельно от него. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. В соответствии с п. 2 ст. 66 СК родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Таганрогский суд рассматривал указанную категорию дел потому, что родители не смогли прийти к соглашению. Поэтому возник спор между родителями, который должен был разрешаться судом с участием органа опеки и попечительства по требованию родителей или одного из них.

Второй семейно-правовой договор — об определении места жительства ребенка (ст. 24 СК) мы проанализировали выше, рассмотрев защиту прав несовершеннолетних в случае расторжения брака их родителей. Здесь лишь отметим, что

такой договор-соглашение родители, на наш взгляд, могут заключить не только при расторжении брака, как это указано законодателем в п. 1 ст. 24 СК, но и в период брака, когда по каким-либо причинам им приходится проживать раздельно. В таком случае супругам необходимо решать вопрос об определении места жительства их ребенка. Требований к супругам проживать совместно действующее законодательство не устанавливает. Кроме того, п. 1 ст. 27 Конституции РФ устанавливает: «Каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». Брак не приводит к сужению их конституционных прав. В семейном законодательстве также в ст. 31 СК, предусматривающей равенство супругов в семье, устанавливается свобода каждого из супругов в выборе мест проживания и жительства. Считая возможным заключение договора об определении места жительства ребенка, в том числе и в период брака супругов, мы исходим из реальной необходимости такого договорного регулирования семейных отношений в условиях изменившихся социально-экономических условий российского общества и из принципа «что не запрещено, то разрешено». Главное, чтобы родители при заключении такого договора прежде всего исходили из интересов ребенка.

Примечательно, что наметилась тенденция к росту количества дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних. В 2005 г. было рассмотрено уже в 2,5 раза больше дел в сравнении с предыдущим годом. С одной стороны, можно говорить о росте нарушений прав несовершеннолетних, но, с другой стороны, отмечается увеличение активности законных представителей, органов опеки и попечительства, которые стали предъявлять больше исков в защиту прав детей. Не следует сбрасывать со счетов и улучшающееся правовое просвещение субъектов семейного права, усилия государственных, общественных учреждений, направленных на защиту прав детей. Судебный порядок защиты прав ребенка может быть охарактеризован такими положительными чертами, как открытость и состязательность процесса, обязанность привлекать к рассмотрению дела несовершеннолетнего по достижении им 14 лет, широкий спектр вопросов, которые может разрешать суд при разрешении дел о семейных правах ребенка. Как считает Н. В. Кравчук, «основным недостатком судебного порядка защиты является отсутствие механизма обращения ребенка в суд и его участие в процессе в качестве инициатора судебного разбирательства, что дает возможность судьям отказывать несовершеннолетним истцам в праве на защиту в связи с их неполной дееспособностью» [16, с. 68–69].

Нам хотелось бы обратить внимание на такой аспект данной проблемы, как процессуальные правила разбирательства семейных дел. Роль процессуальных правил, содержащихся в СК, например, в ст. 24 «Вопросы, разрешаемые судом при вынесении решения о расторжении брака», на наш взгляд, достаточно велика. Они призваны специализировать процессуальную форму защиты нарушенных субъективных прав или охраняемого законом интереса, сделать ее более эффективной с учетом специфики семейных правоотношений. Истоки противоправного поведения детей кроются, прежде всего, в распаде семьи, потере жилья или другой тяжелой жизненной ситуации. И конечно же, меры, принятые в гражданском процессе ювенальным судом при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних, вполне способны создать условия, при которых тот же ребенок не окажется на скамье подсудимых в уголовном процессе. Правовой нормой ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» установлено: «Обязательными является обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка, обеспечение специализации правоприменяемых процедур (действий) с его участием или в

его интересах, учет особенностей возраста и социального положения ребенка». Именно эти требования призван выполнить ювенальный суд, потребность в котором назрела, и существование его лишь в рамках реализации пилотных проектов сегодня уже не может устроить современное российское общество.

Сегодня именно дети из асоциальных неблагополучных семей — это самый незащищенный слой населения России. Естественно, их юный возраст, малый жизненный опыт не позволяют им обеспечить себя самым необходимым — питанием, жильем, образованием. Очевидно, что такие дети в большей степени нуждаются в поддержке и помощи государства, всего общества в целом, и наш долг — предоставить все это, поскольку чужих детей не бывает, а дети имеют право на особую защиту и помощь. Лишь усилия всего общества в целом по обеспечению гармоничного развития ребенка при уважении к его личности могут принести успех.

Литература

1. *Руководящие* принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3 (17).
2. *Конвенция* ООН «О правах ребенка» 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
3. *Калинкина М. Ю.* Международные документы в интересах детей и молодежи: особенности правовой защиты (ретроспективный анализ с XIX в. по настоящее время) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3 (17).
4. *Чефранова Е. А.* Судебный порядок расторжения брака // Российская юстиция. 1996. № 9.
5. *Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* Вопросы подсудности семейно-правовых споров // Современное право. 2003. № 11.
6. *Всеобщая декларация прав человека.* Резолюция 217 (III) от 10.12.1948 г. // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 6 (20).
7. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* // Международные нормативные акты о правах человека. М., 1998.
8. *Никитина Е. М.* Актуальные проблемы охраны прав детства в современной России, пути решения этих проблем // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2.
9. *Абрамов В. И.* Правовая политика современного российского государства в области защиты прав детей // Государство и право. 2004. № 8.
10. *Хананашвили Н. Л.* Основные положения Концепции разработки и реализации Национального плана действий в интересах детей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4.
11. *Шерстнева Н. С.* Защита прав детей, проживающих в асоциальных семьях // Законность. 2006. № 11.
12. *Хананашвили Н. Л.* Преодоление кризисной ситуации в России и защита прав ребенка // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3 (17).
13. *Черчага С. В.* Становление ювенальной юстиции: вопросы гражданского процессуального законодательства РФ (опыт Ростовской области) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 2 (16).
14. *Воронова Е. Л.* Формирование системы пробации в Ростовской области // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5.
15. *Тарусина Н. Н.* Семейное право: учебное пособие. М., 2001.
16. *Кравчук Н. В.* Защита прав ребенка в судебном порядке // Государство и право. 2004. № 6.

Руководитель Информационно-издательского центра СПбАУЭ
Е. Ю. Князев
Ответственный секретарь редакции
Д. А. Беляева
Корректор *Г. М. Матвеева*
Компьютерная верстка *Т. П. Олоновой*

Санкт-Петербургская академия управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44
Тел.: (812) 363-11-69, 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://www.spbame.ru>

Подписано в печать 23.03.2010.
Формат 60 × 90¹/₈. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,0. Уч.изд. л. 3,7.
Тираж 500 экз. Заказ 164.

Свидетельство о регистрации ПИ ¹/₈ ФС77-33503
от 17 октября 2008 г.

Отпечатано в типографии
СанктПетербургской академии управления и экономики
(812) 4198176